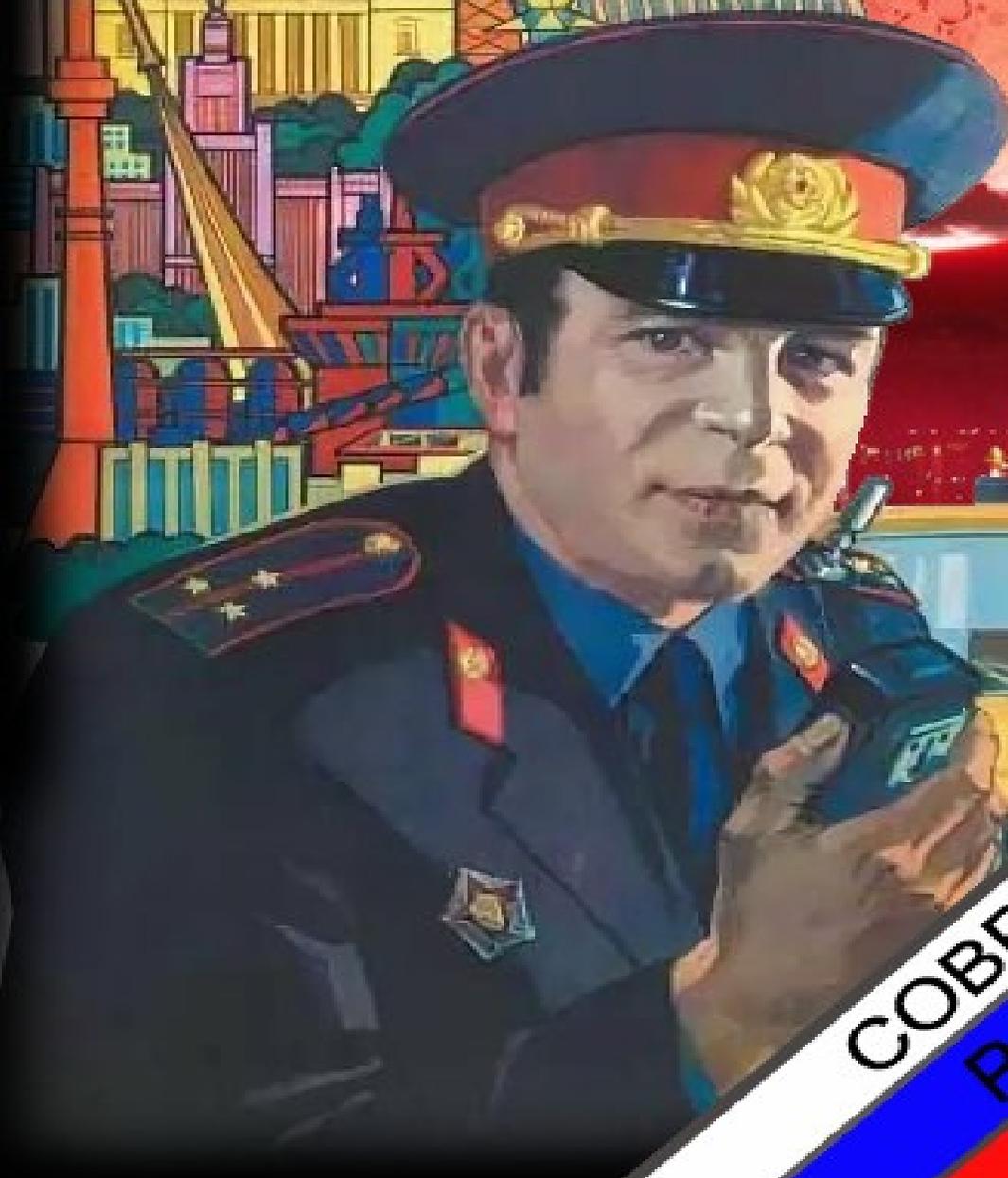

АНДРЕЙ ЛУШНИКОВ

КРАСНАЯ

ЛУНА

СОВРЕМЕННЫЙ
РОССИЙСКИЙ
ДЕТЕКТИВ

Приключения молодого сыщика.

Андрей Станиславович Лушников

Красная Луна

Стадион в Любляне взорвался от радости. Английский арбитр Грэм Пол указал на одиннадцатиметровую отметку. Счет 1:1, последние минуты матча. Черт возьми, ведь нам так была нужна эта ничья. Хотя мы и на первом месте в группе, но теперь разница в очках между нашей сборной и словенской минимальна.

На улице моросил грибной дождь. Я удобно устроился на диване и вглядывался в светящийся экран телевизора.

Хотя может еще и не все потеряно. Ведь у нас в воротах Руслан Нигматуллин, пока лучший вратарь России, и есть надежда, что он справится с ударом.

НЕТ. Ачимович разбегается, ударяет по мячу — гол. Черт! Похоже, единственное, что умеют наши футболисты — портить настроение. Ведь говорила мне мать: не смотри телевизор допоздна, завтра у тебя важный день. Действительно, обыкновенным его не назовешь.

Я посмотрел на часы, — через шесть минут первое сентября сменится вторым. Через семь часов наступит утро и люди, живущие в нашей необъятной стране, разбредутся по своим делам. 36 миллионов человек, преимущественно детей, пойдут в свои школы; 5 миллионов, преимущественно студентов — в вузы, 71 миллион рабочих отправятся к своим станкам, тракторам и прилавкам.

Всего несколько месяцев назад я относился ко второй группе граждан России — учился в СГУ (Сахаровском государственном университете) на юрфаке. Однако счастливые годы молодости незаметно подошли к концу, и вот уже завтра я, Владимир Белов, впервые выйду на работу, не куда-нибудь, а в ГУВД родного города Сахарова.

За окном давно потемнело. На небе появилась ярко красная луна; забытая всеми бродячая собака выла где-то неподалеку и от этого становилось немного жутковато.

Прозвенели наручные часы — полночь.

Глава первая

Грохочущий состав с каждой секундой приближал его к дому. Он лежал на койке в купе и уже целый час не мог сомкнуть глаз. Поезд — его стихия, здесь он проработал сорок лет, и никогда ещё за эти долгие годы не чувствовал себя так паршиво, никогда не был в такой опасности.

«Ещё несколько часов... Все кончится... Если сделаю все, как сказали — ничего не случится... Все будет хорошо...»- успокаивающе бормотал он, пытаясь, наконец, заснуть.

Сон не шел.

И чего он так взбесился — ведь не наркотики перевозит, а всего лишь какие-то бумаги. Бумаги... Все газеты на протяжении недели пишут об украденных бумагах, чертежах...

Хотя с чего он взял, что у него сейчас именно эти бумаги. Ни с чего. Но все равно на душе было беспокойно.

И какой черт потянул его в этот Кулинск. Ну не видел племянника целый год — ну и что? Всегда жил без родственников и сейчас бы справился...

Коротков, а именно так звали путника, привстал на постели и поискал рукой свой багаж. Чемодан пенсионера был на месте — никто и не думал его трогать. Коротков метнул на соседа, мирно похрапывающего рядом, подозрительный взгляд и начал быстро открывать замки чемодана. Убедившись в целостности содержимого, пенсионер успокоился, и вновь прилег.

Дверь резко и шумно открылась, заставив сердце Короткова выпрыгнуть из груди. Он вздрогнул, но тут же успокоился — вошедший, а точнее вошедшая, не была врагом. Это была его старая знакомая Елена Молодая. Фамилия этой женщины уже лет пятнадцать не соответствовала внешности. Её знакомство с Коротковым объяснялось тем, что Молодая так же была проводницей, точнее и сейчас ею являлась.

Нельзя сказать, что Коротков был рад появлению бывшей коллеги: Елена прослыла самой говорливой проводницей в мире. Увидев знакомого, она улыбнулась во весь рот, выставив свои сильно выделяющиеся передние зубы.

— Сергей Николаевич! — громко прошептала она, не переставая улыбаться. Сейчас она очень походила на Багза Банни. — Вот вы где. Хорошо, что я вас нашла.

Коротков нахмурился и выдавил из себя улыбку. Меньше всего ему сейчас хотелось болтать ни о чём.

— Какое совпадение: вы попали в мой вагон. Везение, не правда ли? — продолжала щебетать Молодая.

Сергей Николаевич кивнул, а Елена тут же начала расспрашивать его о причине поездки, потом принялась горячо рассказывать о том, как всем стало плохо после его ухода. Коротков довольно скоро перестал слушать знакомую и начал с тревогой осматривать пролетающие в окне пейзажи. Отвлекся он только через несколько минут, когда Молодая, позабыв про спящих пассажиров, довольно громко переспросила:

— Вы со мной согласны?

Коротков оторвал взгляд от окна и наудачу ответил:

— Да.

Молодая прищурилась и озабоченно спросила:

— А вы не больны, Сергей Николаевич? Вид у вас какой-то нездоровый.

— Нет, Лена. Все в порядке.

— А может вам аспирин дать? — с этими словами Молодая начала рыться в карманах, громко звеня ключами. Коротков посмотрел на соседа, который уже начал ворочаться и быстро проговорил:

— Не надо, у меня есть.

Молодая снова прищурилась и, попрощавшись, вышла из купе.

* * *

Он стоял, прижавшись к пыльной бетонной стене. Рука его крепко сжимала пистолет. Из находившейся рядом двери доносились незнакомые голоса.

— Ну что, Сокол, вспомнил меня? — прозвучал в тишине хриплый голос.

Ответа не последовало. Стоящий у двери напряженно вслушивался, продолжая неподвижно стоять у двери.

— Что ж ты молчишь, — голос стал жестче. — Понял уже как влип?!

И снова гробовое молчание.

— Разрешаю тебе исповедаться перед смертью — глядишь, и прощу.

Послышались тихие размеренные шаги, затем глухой удар. Видимо молчащему человеку сильно досталось. Тот же голос продолжал только теперь ещё яростнее и отчаяннее:

— Ты же мне всю жизнь испортил, падла! Я тебя не выпущу отсюда живым. Ты и твой дружок — вы умрете, как должны были умереть много лет назад. Теперь я вас не прощу.

— Мне не нужно твоего прощения, Беркут, — прозвучавший вдруг голос казался усталым и измученным. — Я не собирался умирать так рано, но уж лучше умереть, чем пресмыкаться перед тобой.

— Хорошо, герой. Я и не настаиваю, — в голосе Беркута прозвучала холодная усмешка. — Ты воспитывался не на тех фильмах. Прощай.

Дверь резко и с шумом открылась. Появившийся человек поднял пистолет и вдруг услышал прекрасную мелодию, звучащую откуда-то сзади. Мужчина обернулся, грудь резануло невыносимой болью, он упал, хватаясь руками за воздух.

* * *

«Будильник сработает в пять» — исчезая пронеслась в голове строчка из знакомой песни. Будильник действительно всюю верещал, правда, не в пять, а в восемь. Да и исчезать из постели я не собирался. Теплое одеяло в союзе с мягкой подушкой неудержимо влекли меня в царство снов.

Я пересилил себя и открыл глаза. Какой странный сон.

Сокол, беркут — все эти ещё несколько минут назад реальные существа, уже сейчас казались бредовым плодом моей фантазии. Лучше бы приснилось, что наша сборная вышла в финальную часть Чемпионата Мира по футболу. Господи, как хочется спать!

Будильник продолжал верещать противную китайскую мелодию, от которой сильно тянуло тошнить. Я протянул к нему руку и, не разбираясь, нажал подряд на все кнопки. Мелодия не прекращалась. Ну, это уж слишком. Отодрав крышку часов, я выковырял

батарею и с облегчением вздохнул. Господи, ещё так рано. На кой чёрт я поставил будильник на восемь часов? Ну ничего, можно ещё поспать минут пять...

* * *

Коротков проснулся оттого, что кто-то с силой толкал его в бок. Сергей Николаевич вскочил и недоуменно взглянул на соседа, уже одетого с сумкой на плече.

— Подъезжаем к Сахарову, — объяснил тот и повернулся к окну.

Коротков чертыхнулся, отчитав себя за столь долгий сон. На всякий случай проверил багаж, свернул постель, сунул в чемодан куртку и надёжно закрыл все замки. За окном давно светало, мимо ежесекундно пролетали столбы; то и дело появлялись крошечные домики, о назначении которых никто не догадывался. Сергей Николаевич сел на койку, пытаясь отвлечься на проносящихся в окне пейзажах. Сердце его стучало быстрее с каждой минутой. Осталось меньше часа. Боже, как же он паршиво себя чувствует! Примерно такое же состояние было у него в восемь лет. Тогда он сидел в больнице и ждал, когда к нему выйдут врачи и скажут о состоянии матери. Те врачи были безжалостны, прямо сказав, что его матери больше нет, что он — сирота и будет проживать в детском доме. Тогда, казалось, он потерял всё; сейчас же он понимал, что у него была его собственная жизнь, и что ее он скоро может потерять.

Поезд медленно, но верно добрался до Сахарова. Уже были видны стройные ряды гаражей, деревенские бревенчатые дома, невысокие окраинные построения. Коротков родился здесь, здесь он вырос и получил работу, но сейчас он желал бы, чтоб Сахарова никогда не было на земле.

Но город жил своей размеренной жизнью, которая ничем не отличалась от бытия других городов. И вокзал, до которого уже докатился состав, тоже был в порядке.

Коротков выбрался из купе, прошел по длинному коридору и вспрыгнул на перрон, с трудом удерживая отяжелевшую сумку на ослабевшем от страха плече. Может ещё можно всё изменить? Отказаться? Убежать? Нет, слишком мощная организация сейчас руководит им. От неё не скрыться.

— До свидания, Сергей Николаевич! — крикнула ему вслед Молодая. — Может, увидимся ещё. Я скоро возьму отпуск — поеду в Череповец к сестре. Может, потом зайду к вам.

Коротков почувствовал, будто его окатили ледяной водой. Он ошалело глянул на Елену и, повернувшись, пошел к вокзалу. «Череп... Череп... Нет...».

* * *

Я вновь открыл глаза. Ну все, пора вставать. Взглянул на часы — все ещё восемь? Я что, нисколько не спал?

Десять секунд на раздумье, полминуты на осознание того, что я сам вынул батарею из будильника, пять секунд, чтобы вспомнить про наручные часы... Ёлки-палки!!! Уже без двадцати девять! Выпрыгнув из постели, я помчался в ванную. Это же надо — опоздать на своё первое дежурство! Что скажет мать?

Дрожащими, то ли от холода, то ли от страха руками, я закончил бритьё. Увидевший меня сейчас человек подумал бы, что я решил зарезаться, нежели побриться. Наспех помазав царапины какой-то гадостью, я принялся за волосы, которые после сна напоминали причёску панка.

* * *

«Скорый поезд номер 714 — «Кулинск — Петрозаводск» отправляется с третьего пути» — прозвучал приятный женский голос из динамика.

Коротков стоял у входа на вокзал и напряженно курил, часто поглядывая на циферблат часов... Пора.

Он вошел в дверь и направился на второй этаж к залу ожидания, который как всегда был заполнен до отказа. Коротков огляделся. Ему нужно было сесть на первое кресло любого ряда. Ага, вот оно у второй кассы. Коротков подошел к креслу, озираясь по сторонам в надежде найти нужного ему человека. Сев на место, Сергей Николаевич достал из чемодана книгу и, несмотря на некоторую утреннюю прохладу, стал ею обмахиваться. По идее, по этому знаку его должны заметить. Теперь осталось только ждать.

Прошла минута, вторая, третья... Десять минут. Короткову стало не по себе. С одной стороны, он был рад, надеясь, что это — ошибка, и он уже никому не нужен. С другой стороны, может, он что-то напутал, и его теперь ждет суровое наказание.

Сергей Николаевич уже собирался уходить, когда сидящий рядом парень случайно ткнул его в плечо. Коротков встрепенулся и посмотрел на соседа, который спокойно читал книгу. На чистом листе книги черной ручкой было выведено: «Вы из Кулинска?» Коротков вытаращил глаза, изумленно взглянул на парня и выдавил:

— Да.

— Не смотрите на меня, — не открывая рта прошептал сосед. — Отвечайте только жестами.

Сергей Николаевич кивнул и устремил взгляд на полную дамочку сидящую напротив. Дамочка была не очень довольна таким вниманием, и тут же спрятала лицо за журналом.

«Бумаги у вас?» — появилась в книге свежая запись.

Коротков выразительно кивнул и полез в чемодан, но парень остановил его:

— погоди, — сосед откинулся на спинку и, забыв про собственное предостережение, продолжил вслух: — Куришь?

Сергей Николаевич мотнул головой.

— Ну и молодец, — парень, ухмыльнувшись, хлопнул старика по спине.

Коротков удивленно вытаращил глаза, потом опустил голову и начал рассматривать свои лакированные ботинки. Парень, продолжая улыбаться, встал и, схватив чемодан, побрел к выходу.

* * *

Парадные штаны валялись под кроватью, напоминая скорее половую тряпку, нежели приличные брюки.

Так. Надевать это я не буду. Тем более, без ремня, который я собирался найти сегодня утром, штаны не удерживались на моей до неприличия тонкой талии. Ну ничего, есть ещё джинсы.

За окном погода ухудшилась. Небо заволокло свинцовыми тучами, поднялся недюжинной силы ветер. В любую минуту мог начаться дождь.

«А говорили, будет сухо», — вспомнил я вчерашний прогноз погоды. Надев тонкую куртку, я собирался выходить из квартиры, однако меня остановил звонок телефона. Подняв трубку, я недовольно поморщился: меня тревожила мать, явно удивленная тем, что застала меня дома в столь позднее время.

— Привет, мам, — промямлил я. — Да. Да... Давай позже, я опаздываю... Ладно.. Хорошо, позвоню вечером. До скорого.

Погода на улице всё ухудшалась. Сильнейший ливень «яркой пеленой наполнил небо». Ветер всполошил кое-как уложенные волосы; я промок насквозь, пока добирался до трамвайной остановки. В ГУВД, куда я собственно и направлялся, можно было добраться и пешком, благо оно находилось недалеко от дома. Однако окончательно размокнуть перед дежурством, мне не особенно хотелось.

На остановке уже набралось достаточно пассажиров. Некоторые ждали трамвая, некоторые прятались здесь от дождя, кто-то покупал сигареты в ларьке.

Прошло пять минут, однако трамвая ещё не было видно. Люди на остановке не скучали. Взгляды большинства людей были устремлены на скамейку под навесом, где двое молодых людей, парень и девушка, целовались врасос.

— Во дают, — прошептала стоящая рядом бабуся. — Среди бела дня, как не стыдно. Противно смотреть.

Бабуся, однако, глаз от парочки не отводила.

«Вот же дураки, — подумал я, продолжая лупить на целующихся. — Смущают же молодых».

Парочке всё было до фени, и они продолжали радовать многочисленную публику.

Наконец, подошел трамвай. Свободных кресел в нем не было, да и стоячих мест осталось мало. Опасаясь не попасть внутрь транспорта, я пробрался к двери и, в итоге, толпой был внесён в угол трамвая. Меня сдавили со всех сторон; я еле-еле ухитрился дышать. Наконец, дверь закрылась, и мы тронулись с места.

Стоящая рядом, уже не молодая женщина в очках, вдруг обратилась ко мне:

— Молодой человек, подвиньтесь, пожалуйста.

Я притворился, что ничего не слышал, понимая всю нелепость этой просьбы — зажатый, словно в тисках, я даже рукой не мог шевельнуть.

— Молодой человек, вы что — глухой? — вновь раздался под ухом женский голос. — Я же вас русским языком попросила подвинуться...

— А вы что — слепая?! — не выдержал я. — Куда мне двигаться, в окно, что ли?

В вагоне на пару секунд воцарилась тишина. Женщина нахмурилась, очки съехали на кончик носа. Мне даже показалось, что из её ноздрей пошел дым.

— А мог бы ответить и повежливее, — возмущённо покачала головой, чересчур располневшая дама.

Повежливее! Я опаздываю на работу, волнуюсь, еле дышу, а тут какая-то женщина просит невозможного. Хотя сама-то стоит свободно.

— Они, нынче, все такие, — крикнул кто-то в другом конце вагона.

— Доброго слова от них не дождешься!

— Стрелять их всех надо...

У! Как всё запущено... По вагону послышался сдержанный смех. Женщина в очках бросила на меня негодующий взгляд и, чувствуя за собой поддержку публики, громко сказала:

— Я, между прочим, заслужила уважение — я старше вас в три раза.

— С семидесятилетием вас, — ляпнул я, решив в уме несложную математическую задачу, и понял, что сказал глупость.

Теперь на меня ополчились все. Я слышал «комплименты» даже от тех, кто меня не видел и не слышал.

Трамвай уже подъезжал к зданию «главка», но, как назло, за пятьдесят метров до оногo застрял в пробке. Я с тоской смотрел на управление сквозь пыльное окно, заучивая новые матерщинные слова. Новых выражений оказалось намного больше, чем старых. Больше всех «старалась» та самая бабуся с остановки. Обсуждение моей личности дошло до славных дней времен Иосифа Виссарионовича Сталина и Леонида Ильича Брежнева. Да... Жалко, что здесь нет целующейся парочки, может, на них бы отвлеклись.

Боясь, что моё прескверное поведение может оказаться связанным с гибелью атомoхода «Курск» и с повышением стоимости доллара, я молил Бога, чтобы трамвай, наконец, доехал до остановки. Вскоре, мои мольбы были услышаны — вагон, проехав некоторое расстояние, остановился. Двери открылись, и я с криком: «Слава, КПСС» выпрыгнул на тротуар.

* * *

Сержант Стрельцов стоял, опершись на стену, и пытался уснуть. Ему это почти удалось, во всяком случае, трезвые мысли куда-то улетучились из головы, и вместо них появились какие-то бредовые размышления и воспоминания.

Дневная сонливость парня объяснялась тем, что он всю ночь провёл на лестничной клетке у своей двери. Потерянный ключ никак не находился, соседки, у которой был запасной комплект, всё ещё не было дома. Она пришла только под утро, когда Стрельцову уже было пора на работу.

Спать стоя было ужасно неудобно: мешал автомат, ужасно доставал постоянный шум, расслабиться по полной программе было невозможно.

— Спим на посту?! — раздался над ухом громкий возглас. Стрельцов мигом проснулся и чуть не упал от неожиданности.

Тревога оказалась ложной — его разбудило не начальство, а друг и напарник Андрей, с которым он дежурил по железнодорожному вокзалу. Стрельцов расслабился и с укором посмотрел на хмыляющегося друга:

— Ну и шуточки у тебя. Так от страха подохнуть можно.

— Спать ночью надо, Олег. Что, опять по девкам шляется?

Стрельцов попытался что-то возразить, но Андрей его опередил:

— Ладно, пошли.

— Куда? — не дошло до Стрельцова.

— Ну ты даёшь, — Андрей покачал головой. — Паспорта проверять, конечно, бомжей отлавливать.

— Ах, да, — Олег потянулся и, вскинув автомат, двинулся за другом.

Находившийся на втором этаже зал ожидания был сегодня заполнен до отказа. Стрельцов бросил тоскливый взгляд на ряды кресел, сулившие ему долгую и кропотливую работу. Он огляделся по сторонам и застонал, заметя в углу зала расположившийся на сумках цыганское семейство. Редко когда проверка паспортов цыган заканчивалась мирно: Олегу же ужасно не хотелось в данный момент на кого-либо орать. Зато Андрея, похоже, даже порадовало появление представителей кочевого народа. Он со странной ухмылкой направился прямо к ним, Стрельцов с неохотой последовал его примеру.

По дороге Олег всё же несколько приотстал от напарника, надеясь, что тот разберётся и без него. И был прав: Андрей, даже не заметив отсутствие друга, с деловитым видом о чём-то спросил у цыган. Те довольно резко отреагировали на вопрос — разгорался жаркий спор.

Олег повернулся к ним спиной и с облегчением вздохнул. Он вообще не очень то и любил эти рейды. Ему не нравилось ходить между рядами кресел, искать бомжей и теревить простых пассажиров, а взамен чувствовать на себе возмущённые взгляды людей, которым, конечно, кажется, что они, что они, милиционеры, всё это делают по собственному желанию, для развлечения. Если это кому-то и доставляет удовольствие, то, наверное, Андрюхе.

Крики за спиной становились всё громче. Олег повернулся к первому попавшемуся пассажиру и негромко сказал:

— Ваши документы, пожалуйста.

Ответа не последовало, пассажир даже не шелохнулся. Стрельцов повысил голос:

— Предъявите, пожалуйста, ваши документы.

И вновь никакой реакции. Пожилой мужчина сидел без движения. Глаза его были открыты, а взор направлен вниз, под ноги. Стрельцов взял мужчину за плечо и с силой тряхнул. Голова пассажира откинулась назад, глаза смотрели мертвым взглядом в одну точку.

Стрельцов в ужасе попятился назад. Синие губы пассажира сильно бросались в глаза и не добавляли радости. Олег глотнул побольше воздуха и, немигающим взглядом глядя на окаменевшее лицо, крикнул, что есть мочи:

— Андрей!.. Андрей!!!

От крика сидящие рядом люди всполошились, послышались вздохи ужаса, тихие вскрики.

— Андрей! — ещё громче крикнул Стрельцов. Он едва держался на ногах, на лбу появились капельки пота.

Подбежавший напарник перевёл дух, бросил на мужчину изумлённый взгляд, и его нервы тоже не выдержали.

— Врача! Быстрее врача! — крикнул он.

Но все старания были напрасны. Сергей Николаевич Коротков был мертв.

* * *

Когда я ворвался в здание ГУВД, было уже пять минут десятого. На всякий случай, показав удостоверение дежурному, я помчался было дальше, однако вдруг остановился, осознав, что совершенно не знаю куда дальше идти. Вернувшись к дежурному, я спросил:

— Вы случайно не знаете, где здесь кабинет Совкова? — Совков был начальником моего отдела, и в его кабинете должно было состояться совещание по поводу появления новых сотрудников.

Дежурный широко улыбнулся.

— Я здесь работаю уже десять лет, и успел запомнить, кто, где работает. Кабинет Совкова на втором этаже, первая дверь от лестницы.

Я кивнул и побежал на второй этаж. Так, первая дверь от лестницы. Интересно, первая справа или слева? Попробуем левую. Закрыто. Значит, правая. Правая тоже закрыта. Так... Интересненько.

Может они уже закончили совещание, и разошлись по делам? Вряд ли. Совков так быстро не наговорится.

Я присел на корточки, и в это время дверь находящаяся напротив меня открылась. Вышедший оттуда человек с интересом на меня посмотрел. И не он один. Через дверной проём за мной наблюдали, по меньшей мере, восемь человек: Совков, несколько «оперов», и три молодых человека, по-видимому, тоже стажера.

— Давно сидишь? — спросил вышедший из двери человек и сразу продолжил: — Проходи не стесняйся.

В кабинете послышался сдержанный смех. Я, ощущая сильно покрасневшие уши, прошел внутрь и сел на свободное место. Если не везёт, то не везёт во всём.

Совков продолжил свою скучную речь о возрастающей преступности, опасности террористов и о надежде на новое поколение, то бишь на нас. Я слышал эти лекции, наверное, раз двадцать, и утруждать себя в двадцать первый раз не стал, занявшись пока осмотром присутствующих. Так, Совкова я видел и раньше потому и узнал. И из оперов знаю двоих. Один, капитан Фонаренко Ильдар Григорьевич, был интересен мне не только тем, что носил мусульманское имя, украинскую фамилию и русское отчество. Дело в том, что этот сыщик и должен стать моим покровителем на время стажировки. Говорят, что он очень опытный и хороший сыскарь, но не с приветливым характером. Это подтверждало и то, что когда я с гордостью говорил, что мой будущий наставник — Ильдар Григорьевич, мне чаще всего приносили соболезнования.

Вторым знакомым оперативником был Сергей Иванович Митько, тоже человек известный. Несколько лет назад, у него по одному интересненькому делу проходил сынок какой-то «шишки». Митько, по-видимому, не послушал ни просьб начальства, ни угроз «шишки», и отпускать сыночка не стал. Поступок был, конечно, волевой, но в то же время глупый: сыночка отпустили через месяц, а Митько с тех пор на всю жизнь остался лейтенантом. Я не знал, насколько правдива эта история, но одно знал точно — уважают Сергея Ивановича побольше Фонаренко.

Два других опера мне были незнакомы, а вот в рядах стажёров я всё-таки обнаружил «родимое» лицо. Филипп Шариков, то есть Гавриков, смотрел в данную секунду на меня и глупо улыбался. Ему, наверное, понравилось, как меня обсмеяли пару минут назад.

Дело в том, что, не увидев здесь Гаврикова, я бы не расстроился. Хотя мы и учились на одном курсе, и жили на одном этаже в общежитии, дружбы или хотя бы приятельства у нас не получилось. Во-первых, потому что он любил одну музыку, а я другую. Во-вторых, потому что он любил смеяться над людьми, а я, иногда, умел сочувствовать. А ещё, его постоянно бесил мой прекрасный талант не нарываться на неприятности. Гавриков из той многочисленной породы людей, которые считают себя достойнейшими, хотя сами не стоят и

маленького кусочка дерьма.

— Чернов, вы слушаете? — раздался вдруг громкий голос Совкова. Я оторвался от воспоминаний. Так, сейчас узнаем, кто здесь Чернов. Воцарилось долгое молчание, после которого я, заметив, что все уставились в мою сторону, недоуменно нахмурил брови и спросил:

— Это вы мне?

— Да, — Совков тоже нахмурился.

— Я — Белов, — даже немного жестко поправил я начальника. — И я вас слушаю.

— Ну, ну, — процедил Совков и продолжил речь.

Я покраснел ещё больше. День начинался как нельзя «лучше».

— ... надеемся, что вы будете достойными представителями правоохранительных органов, — продолжал Совков. — И что именно благодаря вам преступников в нашем городе станет меньше...

По пионерно всегда готовому лицу Гаврикова, я понял, что именно так оно и будет.

— Ну вот и всё. Теперь вы можете приступить к своим прямым обязанностям.

Это были самые приятные слова, услышанные мною за весь день. Я встал, разминая сильно затекшие ноги, и направился было к Фонаренко, который к моему большому удивлению похлопал Гаврикова по спине и вышел с ним в коридор.

Я ошалело застыл, и стоял не двигаясь, пока не услышал рядом тихий голос:

— Пойдем, Белов.

Я повернулся и увидел перед собой Сергея Митько.

— А разве вы? — начал было я, но лейтенант меня перебил:

— Я, я... Пошли.

Глава вторая

Кабинет Митько находился за одной из тех дверей, в которые я ломился по подсказке дежурного. Апартаменты Сергея Ивановича не отличались особой шикарностью, однако легко вмещали два стола, старенький диванчик, поржавевший сейф в углу, большой шкаф и стулья.

— Заходи, не стесняйся, — Митько повторил фразу, произнесённую пару минут назад его коллегой, и, ухмыльнувшись, поинтересовался:

— Ты что, правда, не решался зайти в кабинет Совкова?

— Нет, — ответил я, садясь за стол, который от моего прикосновения неодобрительно закрипел. — Мне дежурный сказал, что кабинет Совкова — первый от лестницы. Все двери, подходящие под эту характеристику, были закрыты. Вот я и присел, чтобы подумать, а тут...

— Понятно, — вновь перебил меня Митько. — Ты там приберись немного на рабочем месте.

Я кивнул и открыл верхний ящик стола. Боже! Чего тут только не было. От кожурсы семечек и пустых пачек «Примы» до презервативов, слава Богу, неиспользованных. Хорошо, хоть нужду сюда не справляли. Хотя всё ещё может быть, это только первый ящик. Тяжело вздохнув, я принялся за грязную работу.

Митько было не до меня — он отвечал на многочисленные звонки, много курил, только искоса поглядывая на мои старания. У меня, к этому времени, набралась полная корзина мусора. Среди вонючего хлама я находил и очень полезные вещи: новый карандаш, красивую зажигалку, правда, не работающую, пособие «Как избавиться от алкогольной зависимости» и многое другое. А в последнем ящике я обнаружил покрытый пылью пистолет Макарова. Я показал находку Митько; тот пренебрежительно хмыкнул и произнес:

— Зажигалка.

В который раз я почувствовал, что мои уши полыхают огнем. Хорош сыщик, нечего сказать — пистолета от игрушки отличить не смог.

— Ваша? — спросил я.

— Нет, напарника моего, — Митько затянулся папиросой и продолжил: — Можешь оставить себе: ему эта игрушка больше не понадобится.

— Умер? — вырвалось у меня.

— Нет, курить бросил.

— Понятно.

Работа подошла к концу. Я сидел без дела только пару минут, пока Митько после очередного звонка не сообщил мне:

— Нужно ехать на вызов. На улице Добролюбова обнаружен труп.

* * *

Милицейский «уазик» тяжело кряхтел, но всё же был в состоянии довезти нас до места преступления. Пока он несся по улицам, я представлял себе окровавленный труп мужчины с топором в голове, пожилую старушку, навсегда застывшую в своём кресле, или повешенника,

качающегося на толстой веревке. Я уже видел себя, невозмутимо стоящего рядом с мертвецом и выдвигающего блестящую версию, о которой никто и подумать не мог.

«Уазик» затормозил, оторвав меня от счастливых мыслей. Я вышел на улицу и, следом за Митько и судмедэкспертом, последовал в подъезд высотного дома, у которого уже стояла машина скорой помощи.

Дверь квартиры на четвертом этаже была раскрыта настежь. То, что представилось передо мной через несколько секунд, не могло привидеться и в самом страшном сне. В центре гостиной, на ковре, в полузастывшей луже крови лежал совершенно голый, да к тому же лысый мужчина с продырявленной башкой.

Неожиданно к горлу подступил комок, меня кинуло в жар и чуть не стошнило. Я, конечно, подозревал, что мне будет не очень хорошо, когда я увижу мертвеца, но чтобы так...

Когда человек идёт над пропастью на большой высоте, и ему говорят, не смотреть вниз, то он, обычно, всё-таки смотрит. Так и сейчас: я знал, что если не думать о том, что меня может стошнить, и ничего не случится, однако все же подумал.

Лицо у меня при этом, наверное, стало зеленым, потому что Митько, взглянув на меня, произнёс:

— Иди, проветришься.

Я послушно вышел в коридор. Рядом с входной дверью стоял участковый и курил «Беломор». В поисках глотка свежего воздуха, я забрёл на кухню. Здесь, у стола сидела женщина лет сорока в шикарном, дорогом платье. По её заплаканному виду стало ясно, что усопший был ей не безразличен.

— Можно открыть окно? — спросил я у женщины. Она еле заметно кивнула.

Отворив форточку, я подставил лицо под струю воздуха. Самочувствие постепенно улучшилось. Закрыв окно, я собирался уходить, когда женщина сидящая у стола вдруг обратилась ко мне:

— Вы пришли меня допрашивать?

Я задумался. Возвращаться к трупу особо не хочется, поэтому можно пока допросить эту даму. Я присел на свободный стул и задал первый вопрос:

— Как вас зовут?

— Леркина Анастасия.

— А отчество?

— Петровна, — женщина всхлипнула и достала сигарету. — Можно закурить?

— Курите, курите... — закивал я головой, мысленно соображая с чего начать допрос. —

Вы кем приходитеесь убитому?

— Я его мать.

— Это вы обнаружили тело?

— Да, а вы что — не знаете?

— Знаю, знаю, — соврал я. — Анастасия Петровна, расскажите всё поподробнее.

Лёркина затянулась и начала:

— Я звонила сыну вчера вечером...

— Точнее, во сколько?

— Часов в пять. Сказала, что заеду к нему сегодня утром — нам нужно было кое-что обсудить. Я приехала в двадцать минут десятого; дверь была раскрыта настежь. Я тогда сразу заподозрила что-то страшное, думала, что его ограбили. Зашла в квартиру, а там... —

Леркина закрыла лицо руками и зарыдала. — Я даже не знаю, кому могла понадобиться его смерть...

— А чем он занимался?

— Ваня работал охранником. Сопровождал перевозки ценных грузов.

— Адрес его конторы вы знаете?

— Где-то был записан.

Леркина достала сумочку, и начала в ней копаться.

— Ваш сын был женат?

— Нет.

— А девушка у него была?

— Нет, я страдала от этого — очень мне хотелось внушка понянчить. Вот, пожалуйста, здесь адрес его фирмы, — Анастасия Петровна протянула мне листок, вырванный из блокнота.

— У него записная книжка была?

— Наверное, была. Я не так уж и часто была у него дома. Ну, вы поищите где-нибудь здесь.

— Поищем. Вы не знаете, в квартире ничего не пропало?

— Я проверяла. Пропали деньги — он их в шкатулке хранил, и часы золотые — мой подарок.

— Хорошо, — вздохнул я. — Вы завтра загляните к нам в городское управление, мы там протокол составим.

— Белов! — послышался за спиной голос Митько. — Ты чего здесь сидишь?

— Я тут свидетельницу допрашиваю.

— А... Молодец, — Митько, похоже, был приятно удивлен. — Ладно, поехали. Сейчас следователь придет, он за нас докончит.

По дороге к машине Сергей Иванович рассказал мне обстоятельства дела. Леркина и Ивана Борисовича убили выстрелом из огнестрельного оружия в затылочную часть головы. Убийца следов не оставил. Орудия преступления не нашли.

— Ну и что там сказала мать убитого? — спросил Митько, когда мы погрузились в «уазик».

— Сказала, что её сын работал охранником грузовых перевозок в одной фирме, — Я достал листок с адресом и протянул его Сергею Ивановичу.

— Хорошо. Ещё что?

Я пересказал Митько, всё, что узнал от Лёркиной. Тот остался не вполне доволен от моего допроса.

— Ты ей сказал, зайти в ГУВД? — спросил он, нахмутив брови.

— Да, конечно, — я был немного раздосадован.

— Ну что, стажёр, — с доброй усмешкой произнёс судмедэксперт Крылов. — Какие будут версии?

— Ну, — протянул я, не зная, что ответить. Действительно, на обычный разбой это не тянет. Почему Лёркин был голый? Проводил вечер с девушкой? Но его мать сказала, что никакой девушки не было. Может, она не знала?

Хотя, вполне возможно, что этот Ваня просто любил ходить по квартире без одежды, и убили его обыкновенные грабители. Тогда почему стреляли в спину? Значит убийца — знакомый. В таком случае, почему Лёркин встречал его голым? А может...

— Может, Лёркин был «голубым», и с «приятелем» что-то не поделил, а тот решил убить партнера. И заодно прихватил деньги...

В кабине «уазика» раздался оглушительный смех. Даже водитель ржал, как лошадь, решив поддержать остальных.

«Действительно, — подумал я. — Такую «блестящую» версию никто бы не смог придумать».

— Может быть, может быть, — смеясь, проговорил Митько.

Рация проверещала что-то неразборчивое, заставив всех замолкнуть.

— На железнодорожном вокзале — труп, — громко объявил водитель и ловко развернул машину на встречную полосу.

* * *

Я часто бывал на нашем вокзале: в детстве мы каждые каникулы ездили к бабушке в Посельнич. Поэтому, я мог с гордостью сказать, что вокзал для меня — знакомое и родное здание. Но, с другой стороны, я никогда не был здесь не для того, чтобы куда-нибудь уехать или кого-нибудь встретить.

Сегодня я впервые увидел вокзал в новом облике — величественном и прекрасном. Я впервые обратил внимание на его архитектуру, впервые заметил бомжей, просящих подаяние...

* * *

Мы поднялись по лестнице в зал ожидания. Первое, что я увидел, войдя в широкие двери — большую толпу людей. Пробираться сквозь неё было невероятно сложно. Когда мы, наконец, оказались вне толпы, молодой парень в камуфляже преградил нам путь.

— Свои, — Митько помахал своим удостоверением и подался вперед.

Оказавшись внутри образованного людьми круга, я увидел «виновника торжества». Седой старик сидел на крайнем кресле ряда и упорно не дышал. Это зрелище было куда «приятнее» предыдущего.

Митько, пообщавшись с местными коллегами, подошел ко мне и сказал:

— Я займусь протоколами, а ты сходи в медпункт, найди там сержанта Стрельцова и допроси. И еще поищи свидетелей преступления: эксперты сильно сомневаются, что это — обычная смерть.

Я послушно кивнул и повернулся к толпе, которая в тот же миг уставилась на меня.

— Граждане! — начал я. — Есть ли среди вас те, кто видел этого человека живым, те, кто знают с кем он общался до смерти? Нам нужна ваша помощь, нужны свидетели. Есть такие?

Наступила напряженная тишина. Толпа была явно поражена моим прекрасным выступлением.

— Есть! — раздался голос.

Я увидел, как вперед выдвинулась немолодая женщина и с энтузиазмом повторила:

— Есть!

Я был на девяносто процентов уверен, что она сейчас спросит у народа: «А что случилось?», как в известном фильме.

— Всех свидетелей я прошу пройти в комнату милиции, — продолжил я.

— Куда? — переспросила свидетельница.

Я повторил и для наглядности махнул рукой в правую сторону.

Так, с первым заданием я справился. Теперь нужно идти в медпункт.

Сержант Стрельцов оказался бритоголовым парнем, охраняющим на вокзале покой. Он окинул меня недоверчивым взглядом и спросил:

— Ты кто?

— Я из уголовного розыска, — я продемонстрировал Стрельцову «свои» корочки. — Младший лейтенант Белов.

Сержант презрительно хмыкнул. Я его понимал: он был на пару лет старше меня, однако имел меньшее звание. Поэтому, и на вопросы он отвечал неохотно. В общем, допрос ничего не дал. Я записал скудные показания и направился к комнате милиции.

* * *

— Я предупреждаю вас за дачу заведомо ложных показаний. Распишитесь здесь, — я протянул свидетельнице ручку и протокол.

Женщина вывела замысловатую роспись и, заглянув мне в глаза, поинтересовалась:

— Можно рассказывать?

— Рассказывайте.

Свидетельница довольно четко изложила мне, что она сидела напротив убитого, и что тот решил с ней позаигрывать. Женщина была не прочь пофлиртовать, но, как и следует порядочной девушке, поначалу возмутилась, и спряталась за журналом. Когда она решила вновь взглянуть на мужчину, тот уже спал. Женщина немного обиделась, но потом успокоилась, пока не узнала, что...

— На какое время вы потеряли его из виду? — задал я вопрос.

— Ну, может на минуту или чуть побольше.

— Вы не запомнили, сколько было тогда времени?

— Нет. У меня часов нет.

— Ну хотя бы, через какой промежуток времени к нему подошел милиционер?

— Минут через двадцать или тридцать.

— Надо бы поточнее, — я с надеждой посмотрел на свидетельницу. Та напряглась и произнесла:

— Когда я оторвалась от журнала, по вокзалу проходило сообщение об отходе поезда Сахаров-Киров... Нет, Сахаров-Москва... Может, это вам поможет?

— Наверное, поможет. А вы случайно не видели, с кем потерпевший общался?

— Не видела. А зачем это вам? Он же умер сам.

«Ага, от любви к тебе», — подумал я и добавил вслух: — Может, вы запомнили человека, который сидел с ним рядом?

Женщина снова задумалась.

— Да, запомнила, но очень плохо. Это был мужчина лет двадцати семи, с рыжими волосами. Одет был в кожаную куртку.

— Вы его фоторобот составить сможете?

— Нет. А зачем...

— Спасибо вам большое, — я попросил свидетельницу ещё раз расписаться и пошёл искать Митько.

Сергей Иванович как раз заканчивал осмотр места преступления, записывая фразы эксперта в протокол. Выслушав мой отчет, он недовольно спросил:

— Всего один свидетель?

— Ну что, я их должен был конфетами завлекать?

— Ладно, ладно, — Митько поднялся с кресла. — Поехали.

* * *

«Начальнику ГУВД

г. Сахарова

РАПОРТ

об обнаружении признаков преступления.

Докладываю, в соответствии со ст... УПК РФ о том, что...»

Я остановился и закусил зубами кончик ручки. «Бумажная» работа была поспокойнее розыскной, однако требовала большего творчества, на которое я, кстати, не жаловался. В кабинет вошёл Митько с ворохом бумаг в руках. Он сел за свой стол и спросил:

— Ну как, закончил?

— Нет, — я начал быстро выводить слова в рапорте.

— Я только с совещания, — продолжил Сергей Иванович. — Нам поручили убийство на вокзале. Ознакомься, — Митько протянул мне папку с делом.

Я отложил ручку, открыл папку и быстро пробежал глазами по протоколам с места преступления. Имя убитого Коротков Сергей Николаевич, 1940-го года рождения. В его кармане найден использованный билет на поезд по направлению «Кулинск — Сахаров», прибывший часом раньше убийства. На месте преступления было найдено куча мусора, вряд ли имеющего отношения к убийству. На плече правой руки трупа имелся синяк больших размеров. Причина смерти неизвестна, предположительно от введения в кровь ядовитого вещества.

— Это точно убийство? — поинтересовался я, отложив папку в сторону.

— Экспертизу ещё не провели, но Крылов меня уверил, что это так. Что ты об этом думаешь?

— Не знаю... Убивать старика шприцом при большом скоплении народа может либо сумасшедший, либо профессионал.

— Чем мог помешать этот старикан? — продолжил мои рассуждения Митько. — Деньги у него на месте...

— Багаж! — воскликнул я, словно громом пораженный. — В протоколе не указано, что при нем был багаж — вот за чем охотился убийца.

— Действительно, — улыбнулся Митько. — Дорога из Кулинска в Сахаров длится довольно долго, он бы взял с собой хоть какие-нибудь вещи.

— Может, кто-то узнал, что Коротков вёз с собой ценные вещи и завладел ими на

вокзале.

— Тогда он мог стукнуть его по макушке где-нибудь в переулке или просто унести, когда тот зазеваается, — Митько закурил и продолжил: — Ты прав, здесь действовал профессионал. Ему нужно было не только багаж, но и его смерть. Неплохо рассуждаешь, — похвалил он меня. Я не подал вида, что рад этому, хотя в душе был готов прыгать до потолка.

* * *

Мы стояли у входа в квартиру Короткова. Митько протянул мне ключ; я нашарил в темноте замок и, легким движением руки, отворил дверь. Мы оказались в чисто убранной двухкомнатной квартире.

— Так, — произнес Сергей Иванович, осматривая скромную обстановку дома. — Для составления версий нам требуется узнать, где работал убитый, где обитают его родственники и близкие знакомые, и, самое главное, предположить, с какой целью Коротков был в Кулинске.

— Понятых звать? — поинтересовался я.

— Ты лучше соседей позови. Их допросить надо. Может, они что-то о Короткове знают. Может, он им ключи оставлял, цветочки полить, и заодно сказал, к кому едет. Заодно соседи и понятыми побудут.

Я бросился выполнять приказ и вскоре привёл к Митько молодую супружескую пару.

— Ну-с, — начал Сергей Иванович. — Вы призваны, чтобы помочь нашему следствию.

— А что случилось? — спросил парень, недовольно шурясь: то ли он милицию не любил, то ли был недоволен, что его потревожили.

— Вашего соседа убили.

— А мы причём?

— Вы знали убитого?

— Немного, знали.

— Он вам говорил, что уезжает в Кулинск?

— Нет, — парень почему-то ухмыльнулся.

— Может, он вас просил цветы полить, пока он в отъезде? — вклинился я в разговор.

— Нет, нет. У него и цветов-то вроде нету, — мужчина показал на пустые подоконники.

— У соседа вашего родственники или знакомые были?

— Наверное, были, но я их не видел.

— Значит, вы не видели, чтобы к нему кто-то часто заходил?

— Нет, мы за чужими людьми не следим. Это всё?

— Посидите здесь, пока мы проведём обыск.

Парень недовольно что-то пробормотал, но от комментариев отказался. Митько подошел ко мне:

— Ищем документы, фотографии, всё, за что можно ухватиться, — он с сомнением осмотрел меня и добавил: — «Ухватиться» — в переносном смысле.

Вот те раз! Я, наверное, выгляжу полнейшим олухом, если Митько думает, что я буду искать всё, что можно схватить. Парень и девушка за спиной ехидно захихикали. Я принял обиженный вид и принялся за поиски. В ящиках стола лежали исписанные разными записями тетрадки; в шкафу, как ни странно, одежда; на полках книги. Я заглядывал во все

шкафчики, отодвигал посуду, ворошил одежду, но так ничего и не нашёл. В это время из другой комнаты вернулся Митько.

— Ну как, что нашел? — спросил он.

— Ничего, — со скорбью отметил я. — Пока.

— Всё проверил?

— Почти.

Митько осмотрел комнату, подошёл к встроенному к книжной полке шкафчику, который я даже не заметил, подергал за его ручку и изрек:

— Закрыто.

Может, я действительно олух? Не заметил этот шкафчик с замком, хотя сам держу свои документы в надёжно запертом секретере.

— А где же ключ? — стараясь заглядеть свою оплошность, я принялся вновь осматривать шкафы.

— У меня, — внезапно произнес Митько. — Я его нашёл за зеркалом в спальней. Потому и искал дверь с замком. — С этими словами, он открыл шкаф.

Коротков (естественно при жизни) держал свои документы в образцовом порядке. Из свидетельства о рождении мы узнали, что он рос без родителей в детском доме в поселке Макарово, что находился недалеко от Сахарова.

— Это плохо, — отметил Сергей Иванович. — Из паспорта его родителей, мы бы могли узнать о его сестрах или братьях.

Также я обнаружил пенсионное удостоверение, удостоверение о получении квалификации, несколько счетов и, наконец, трудовую книжку. Прочитав имеющиеся там записи, я спросил у Митько:

— Угадайте, кем работал Коротков перед уходом на пенсию?

— Проводником в железнодорожных поездах, — не думая, ответил Сергей Иванович.

Я открыл рот от восхищения. Значит, не перевелись ещё на Руси Шерлоки Холмсы и Эркюли Пуаро.

— Как вы узнали?

Митько помахал перед моим носом толстым журналом с фотографиями. На одной из них, Коротков, ещё молодой, стоял в окружении сослуживцев, одетых в форму железнодорожника.

— Ясно, — восхищение чуть-чуть поугасло.

— Такое ощущение, что у этого Короткова, кроме коллег знакомых не было. С кем-то же он должен был общаться.

Митько пролистал альбом. Дальше были фотографии из детского дома — снимки его группы в разные годы. Сорок шестой, сорок седьмой, сорок восьмой... Я, с трудом, но всё же находил Короткова среди остальных детей. Вот он в верхнем ряду, вот в самом углу... И всегда рядом с ним одна и та же девочка.

— Сергей Иванович, — тихо начал я, но запнулся.

— Что? Говори, не стесняйся.

— ... На всех фотографиях рядом с убитым стоит одна девочка, посмотрите.

Митько пробежался глазами по фотографиям.

— Действительно. Глаза одни и те же, нос тоже... Это вполне может быть его младшая сестра. Молодец, что заметил. Неплохо бы было ещё узнать её адрес.

Я понял, что сейчас мне предоставляется ещё один шанс проявить свои способности. Я

ещё раз оглядел содержимое шкафа и заметил в углу коробку из под обуви. В ней находилась стопка с письмами. Улыбаясь всеми тридцатью двумя зубами, я протянул их Митько.

— Молодец, — ещё раз похвалил меня Митько.

Все письма были от его сестры, жившей... в Посельниче. Мы были разочарованы, потому что считали, что Коротков поехал в Кулинск к сестре.

— Даже если бы она жила в Кулинске, он бы всё равно гостил бы не у неё, — сказал Сергей Иванович и, не дожидаясь моего вопроса «Почему?», протянул телеграмму, лежавшую здесь же среди писем.

— Товарищ Коротков, Ольга Ивановна умерла. Соседка Иванова, — прочитал я вслух и посмотрел на дату: — Седьмое января девяностого пятого года.

— На все вопросы мы не ответили, — подвел итог Митько, сгребая письма в сумку. — Но делать нам здесь больше нечего.

Составив на скорую руку протокол, мы двинулись обратно в отделение.

* * *

Я шёл по темному коридору, слабо освещённому лампами дневного света. Голова трещала так сильно, что анекдот о топоре, как лекарстве от головы не казался таким глупым. Полтора часа назад я выехал на свой первый персональный вызов и за это время чуть не сошёл с ума. Заявление поступило от «милой» старушечки, у которой украли мясорубку. Дежурный, недолго думая, переадресовал это дело мне.

Старушка оказалась не такой уж и милой, и тут же закатила истерику, узнав, что я стажёр. Полчаса она требовала прокурора, потом придиралась к моим вопросам, постоянно меня перебивая. Когда, наконец, я собирался уходить к старушечке пришла её сестра и принесла ту самую мясорубку. Заключительная истерика была самой громкой, причём в конце концов, я оказался виноватым. Короче, полный дурдом.

Кабинет Митько, освещаемый одной настольной лампой, показался темнее коридора. Сергей Иванович сидел за столом и осматривал бумаги; сейчас он был похож на старика, читающего свежую прессу перед камином.

— Что-то случилось? — спросил он, заметив измученное выражение моего лица.

— Да так, ничего, — я не стал вдаваться в подробности. — Вызов оказался ложным. — Я откинулся на спинку стула.

— Смотри, что я достал, — Митько протянул мне маленькую синюю книжицу, оказавшуюся расписанием поездов, проходящих через Сахаров. Пролистав её я обратил внимание на строку обведённую красной ручкой: «Сахаров-Москва, отправление 8 часов 15 минут (московское время) прибытие...»

— Значит, Короткова убили в 10 часов, 15 минут по местному времени, плюс-минус 10 минут, — произнес я.

— Если твоя свидетельница не ошибается, — заметил Митько. — Пока ты там отыскивал мясорубку, я попробовал составить несколько версий убийства. Первая: Короткова убил маньяк, орудующий на вокзалах, а багажа либо вообще не было, либо его украд «левый» вор. Вторая: убийца и вор — один человек, «работающий» на вокзале. Третья — твоя — кто-то что-то узнал о багаже и завладел им в зале ожидания. И, наконец, четвертая версия, над которой я много размышлял: Коротков мог быть курьером. Он мог

помогать перевозить наркотики из Кулинска в Сахаров. Принимающие «груз» здесь решили убрать Короткова, как лишнего свидетеля или еще по каким-то неизвестным причинам. — Митько перевёл дух и продолжил: — У тебя есть другие версии?

— Нет, — промямлил я, даже не задумываясь.

— Две первые версии я проверю через своих людей, с остальными будет посложнее. Какие-нибудь идеи по этому делу у тебя появились?

— По-моему, нужно допросить проводницу вагона, в котором ехал убитый. Во-первых, она могла запомнить соседа Короткова; во-вторых, могла знать самого усопшего. Если это так, то она может быть в курсе того, куда направлялся Коротков.

— Хорошая идея, — произнес Митько. — Кстати, на этот счет у меня тоже есть версия. Из писем сестры Короткова я узнал о существовании племянника Андрея. Сейчас ему примерно двадцать пять лет. В одном письме указывалось, что он по молодости связался с «кировской» братвой. Это единственная связь с Кулинском, который как раз находится в Кировской области. Вполне возможно, что он переехал туда после окончания института... Ты случайно не болеешь? — у тебя вид какой-то «мертвецкий».

— Нет. Только голова болит немного, — я не собирался жаловаться Митько на адскую боль.

— У тебя анальгин есть?

— Нет.

— Держи, — Митько протянул мне начатую пачку, ещё раз посмотрел на мое лицо и, боясь, что я помру прямо здесь, в его кабинете, продолжил: — Знаешь что, иди-ка ты домой.

— Так ещё же полчаса до конца...

— А кто узнает? Если что, я найду, что ответить.

Упираясь было бесполезно и глупо. Стараясь никому не попадаться на глаза, я покинул ГУВД и зашагал по вечернему Сахарову.

Глава третья

Вот он, белый потолок, неподвижно нависающий над моей кроватью. Вот оно, противное пиликание будильника и приятное ощущение тепла во всем теле. И вот оно, безудержное понимание того, что сейчас нужно вставать, куда-то идти, что-то делать, вопреки желанию, поспать ещё хотя бы один час.

Делать нечего — понежившись ещё минуты две, я переборол себя, и откинул одеяло. Пять минут в ванной, пару минут на одевание, дорога к остановке, тряска в трамвае (на этот раз без происшествий) и вот я уже в знакомом здании ГУВД. На этот раз я пришел вовремя, даже чуть раньше, чем нужно было.

Сегодня коридоры отделения были переполнены; на потрепанных скамейках сидели нынешние подозреваемые, будущие обвиняемые, свидетели, потерпевшие, заявители и прочие люди, которым по воле судьбы пришлось сегодня являться в милицию. Дверь кабинета была закрыта — это означало, что Митько еще не пришел. Не появился он и через десять минут, и через двадцать. Я успел прочитать почти все интересные статьи в газете, которую нашел на столе Сергея Ивановича, когда дверь, наконец, открылась, и я увидел в проеме Совкова.

— Белов, через пять минут — у меня в кабинете, — лицо начальника было настолько мрачным, что я даже не попробовал спросить о причине приказа.

Митько не появился и через пять минут, когда я переступил порог кабинета Совкова. За столом уже сидел Филя Гавриков и противно улыбался.

— Что, Белов, тебя ещё не уволили? — спросил он, когда я сел рядом.

Я решил не отвечать на этот довольно глупый вопрос.

— Теперь ясно, почему Ильдар Григорьевич решил тебя не брать — ты не достоин того, чтобы твоим начальником был капитан, — продолжал Гавриков. — Вот лейтенант — в самый раз.

— Слушай, Филя, заткнись, — не выдержал я. — Можешь гордиться своим Фонаренкой хоть до пенсии.

— «Фонаренкой»? — возмутился Филя. — Да я ему все расскажу, он тебя...

— Да, замолчите вы! — прикрикнул Совков и мы, обменявшись презрительными взглядами, замолкли.

Через пару минут за столом начальника оказались все оперативники, кроме Митько. Совков, решив его не ждать, откашлялся и начал:

— Я собрал вас здесь, чтобы сообщить неприятное известие, — в этом месте он остановился на несколько секунд и продолжил: — Мне только что сообщили... Погиб один из наших сотрудников.

После этих слов все присутствующие встрепенулись, даже обычно невозмутимый Гавриков отвлекся от грызения ногтей. «Кто?» — незамедлительно мелькнул в мозгу вопрос. И тут же пришел самый простой ответ: «Митько!». Он не опаздывает — он погиб, ушел в потусторонний мир. Только вчера был живым, разговаривал со мной, смеялся, давал советы, а сегодня его больше нет...

Дверь открылась; Митько, улыбаясь, поздоровался с окружающими и сел рядом со мной.

— Сергей, — обратился к нему Совков, — Какой ты пример показываешь младшим?

— Какой они мне показывают, такой и я им, — с этими словами Митько подмигнул мне.

— Ты бы повременил с шутками, — Совков начал свою речь с начала. В это время я мысленно схватил лопату и принялся откапывать похороненного мною Сергея Ивановича.

— ... Умер наш сотрудник старший лейтенант Зубов.

Эта фамилия не говорила мне абсолютно ничего, поэтому я только притворился огорошенным этой новостью. У остальных же оперов вид действительно был удивленный.

— Его нашли на берегу озера Бритал вчера вечером.

Наступило очень долгое молчание. Был слышен только хруст ногтей, да жужжание мухи у окна.

— Безусловно, я буду просить, чтобы это дело поручили расследовать нашему отделу. И, надеюсь, тот кому я его поручу должен во что бы то не стало найти убийцу, — Совков обвел глазами лица окружающих. — Все. Все свободны кроме Митько и Фонаренко.

Я вышел из кабинета, и остался ждать у дверей. Митько оставили, следовательно, ему и поручат вести дело по убийству Зубова. Я присел и только сейчас заметил, что у двери стоит человек и тоже кого-то ждет. Увидев меня, он спросил:

— Парень, ты здесь работаешь или как?

— Или как, — вяло ответил я.

— Не знаешь, где тут Сергей Митько обитает?

— Обитает — там, — я показал на дверь нашего кабинета. — А сейчас он у начальства — здесь.

— Спасибо, — человек отвернулся в сторону и замолчал. В это время появился Митько, несколько рассерженный и обиженный. Интересно, он будет расследовать убийство? Я решил не мешкать и тут же повторил вопрос вслух.

Митько недовольно поморщился и ответил:

— Нет, Фонаренко.

— А зачем тогда вас оставили?

— Мне скинули его дела. Видел бы ты его улыбку, — тихо пробормотал Митько и вдруг заметил мужчину, с которым я беседовал минуту назад. — Вы ко мне?

— К вам, к вам, Сергей Иванович, — ответил мужчина и, улыбнувшись, добавил: — Не узнаешь?

Митько напрягся, и вдруг его лицо преобразилось. Исчезла обида и нахмуренность, он снова стал веселым и беззаботным.

— Вадим? Ты? — пронеслось по коридору управления громкое восклицание.

— Угадал, — Вадим подошел к Митько, и они обнялись.

— У нас тут несчастье случилось, сотрудник погиб, — произнес Сергей Иванович. — Я еще оправиться не могу, потому не узнал. Богатым будешь.

— Если б эта поговорка было правдой, я бы уже был самым богатым человеком на земле.

— Тебя, правда, не узнать — растолстел сильно.

— Если это комплимент, то спасибо...

И так далее, и тому подобное. Они болтали в коридоре, наверное, минут пять; затем перебрались в кабинет. Из их разговора я узнал, что Митько с Вадимом вместе учились МГУ. Потом судьба закинула их в Сахаровскую область, Митько — в столицу, а Вадима в Уранск. Таким образом, их пути разошлись. Встречались они очень редко, последний раз

три года назад. Недавно Вадим переехал в Сахаров, и начал работу в прокуратуре следователем по особо важным делам. Таким образом, старые друзья получили возможность, не только видеться, но и работать вместе.

Это все было, конечно, очень интересно, однако мне сильно хотелось узнать, что Митько думает по поводу убийства Зубова и по делу Короткова. Прерывать приятелей мне не хотелось, вместо этого я часто и громко кашлял до тех пор, пока Митько не обратил на меня внимание.

— Ты все-таки болеешь, — сказал он, не поняв мои намеки на отсутствие времени.

— Стажер? — поинтересовался Вадим.

— Да, — кивнул Митько.

— Владимир Белов, — представился я.

— Вадим Багренов, — ответил мне тем же приятель Митько и добавил: — Я тебя, наверное, задерживаю, Серега.

— Нет, нет, — поспешно проговорил Митько.

Неожиданно зазвонил телефон. Сергей Иванович снял трубку, послушал несколько секунд, сказал: «Сейчас едем» и повернулся к нам.

— Извини, Вадим, действительно, некогда — дела.

— Помощь не нужна?

— Нет. У тебя своя работа, у нас своя, — Митько стремительно надел пиджак и махнул мне рукой.

* * *

Человек в черной маске приставил к виску заложника револьвер и громко прокричал:

— Не подходите! Убью!

В магазине «Росинка» на улице Автомобилистов разыгрывалась драматическая сцена, достойная престижного боевика. Движение на дороге было перекрыто, зевак и работников милиции было невпроворот.

Я знал, что там, внутри магазина, ещё десяток человек и ещё один преступник, полностью обвешанный взрывчаткой.

Когда к дому подъехало начальство в лице полковника Быкова, было решено начать переговоры с преступниками. Я был удивлен, когда услышал, каким тоном полковник общался с Митько: авторитет последнего был крайне велик.

После переговоров Митько взял мегафон и обратился к человеку в маске:

— Убедительно просим вас сдаться и не трогать заложников. Взамен на них вы получите машину и сможете скрыться.

В ответ преступник показал довольно красноречиво сжатый кулак и крикнул:

— Знаю я вас. Мы возьмем одного заложника с собой. И попробуйте только брать нас штурмом — все взлетите на воздух.

— Отпустите остальных пленников, — попросил Митько, но человек в маске уже скрылся в дверях магазина.

Громко треща к магазину подъехала машина с ОМОНОм. Видимо, начальство не собиралось выполнять требования преступников.

— Что ты об этом думаешь? — обратился лысый полковник к Митько. — Думаешь, они

блефуют?

— Наверняка, — ответил Сергей Иванович. — По их словам, у них там целый склад взрывчатки. Где они столько достали?

— Ну, допустим, но одной гранаты вполне достаточно, чтобы убить кучу народа.

— Но мы ведь не в Японии.

— При чем тут Япония?

— У нас нет камикадзе. При выборе между смертью и тюрьмой, они выберут последнее.

— Шут их знает, лейтенант, шут их знает, — полковник направился к своей машине переговариваться с остальными.

— Что будем делать, Сергей Иванович? — поинтересовался я, переминаясь с ноги на ногу.

— Ждать, — мудро ответил Митько.

— Господа преступники, — вновь взревел мегафон. — С вами разговаривает полковник Быков. Прошу вас выпустить заложников и сдаться.

То ли совесть замучила преступников, то ли авторитет полковника подействовал — не знаю, во всяком случае через полминуты двери маркета открылись и из него нестройной колонной выбежали испуганные люди. Нарушителей порядка среди них не было.

— Раз, два... пять, шесть... девять, десять, одиннадцать, — сосчитал Митько заложников, сделав ударение на последнем слове. — Вроде, все. Эй, мужик, — он обратился к подошедшему к нам довольно близко бывшему заложнику.

— Что? — мужчина был не сильно напуган. Не знай, кто он, я бы мог подумать, что он просто проходил мимо, а не лежал на полу под дулом пистолета.

— Преступники отпустили всех?

— Да, да, — спокойным голосом ответил мужчина.

— А у них взрывчатка есть? — спохватился я.

— Нет, они так говорили, чтобы вас напугать. По настоящему у них только «пушки».

— Спасибо вам, — поблагодарил его Митько и крикнул полковнику:

— Они блефуют! Никакой гранаты нет!

Быков кивнул и что-то сказал в рацию.

— Сейчас будет штурм, — медленно сообщил Сергей Иванович, и, словно отвечая на возникший мысленный вопрос, добавил: — Нам туда лезть не стоит. На это есть ОМОН.

— Да я и не собирался, — пробормотал я, пятясь назад.

Отряд милиции особого назначения подкрался к дверям и окнам магазина. В один условленный момент все они по команде тронулись с места и вихрем влетели внутрь. Толпа зевак заморожено замолчала. Я ждал взрыва, выстрелов или хотя бы криков борьбы, однако ничего не услышал. Через пару минут омоновцы так же стремительно высыпали на улицу. Главный среди них с растерянным лицом приблизился к полковнику и громко сообщил не по уставу:

— Там это... два трупа в масках и один пистолет.

— Они что друг друга перестреляли?

— Не знаю.

Я был ошеломлен не меньше остальных. Неужели они всё-таки предпочли смерть тюрьме?

И вдруг в мозгу словно щелкнуло. Я понял: в данной ситуации, чтобы стать преступником, надо надеть маску, а чтобы стать заложником, нужно просто её снять. Там в

магазине мертвые заложники, на головы которых надеты маски, а настоящие грабители, здесь, среди людей.

— Заложники! — выкрикнул я.

— Что? — не понял полковник. — Ты кто? Почему здесь посторонние?

— Они среди заложников. Нужно их найти, — робко продолжил я.

Митько, похоже, сообразил к чему я клоню и быстро объяснил мою теорию. До полковника дошло довольно быстро, он поднял шум, и вскоре выяснилось, что вытасценные из лап преступников люди сейчас проходят обследование у машины «Скорой помощи».

— Золотые мозги у парня, — сказал Быков, пробираясь сквозь толпу зевак.

Если честно, примерно такую же сцену я видел в одном американском фильме, не помню в каком.

Полковник со «свитой» остановился у «Скорой помощи» в нерешительности. Действительно, что сейчас, спросить: «Граждане, кто из вас преступник?».

Всё случилось и без нашей подачи. Неожиданно, мужчина, которого мы спрашивали о взрывчатке, дернулся с места, сунул руку в карман и достал... «лимонку». Люди, стоящие рядом, тут же пожалели, что остались поглазеть на обезвреживание грабителей, а не отправились по своим делам. Толпа подалась назад, меня сбил с ног здоровенный мужик, убегающий прочь.

— Брось свои шутки — крикнул кто-то. — Тебе не скрыться!

— Тогда я взорву всех нас!

— Сдайся! Тебе же будет лучше!

— Не подходите!..

Приподняв голову, я успел заметить только, как преступник, окруженный омовцами, вырвал чеку и бросил «лимонку» в моем направлении...

«И моё сердце остановилось...». Я попытался встать, но тут же был сбит убегающим человеком. Теперь сматывались все: трусливые и храбрые, герои и злодеи. Один я лежал на твердом асфальте и не мог шевельнуться от страха.

Вот так вот, Вовочка Белов. Жил ты, жил, манную кашу ел, пиво пил, высшее образование получал... И зачем все это, ведь в двух шагах от тебя через мгновение взорвется граната.

Я сжался в комок, понимая, что это ничем не поможет. На то, чтобы вспомнить свою недолгую жизнь, не было времени, поэтому я просто замер и стал ждать...

Раз, два, три, четыре, пять... десять, одиннадцать, двенадцать... что за черт?! Я огляделся. Рядом, никого. Глаза отыскивали на асфальте «лимонку»; я вгляделся повнимательнее... Учебная!!! Черт!

«Отдышалось немного, и снова пошло». Поднявшись на ноги, я громко, истерично засмеялся. И тут же увидел всех остальных: Митько, спрятавшегося за машиной; Быкова, и накрывших его пятерых омовцев; людей, все ещё убегающих прочь...

— Она учебная! — крикнул я, так, что меня услышал, наверное, весь квартал.

Внезапно замершая на время жизнь так же внезапно возобновилась вновь. «Раздавленный» бойцами полковник Быков тут же приказал найти бежавшего преступника. Митько вышел из-за машины, но все ещё не мог прийти в себя. Постепенно стали слышны разговоры, переключки и бормотания. Бог оттянул нашу смерть ещё на некоторое время...

Преступника, как ни странно, нашли. Он прятался в подъезде ближайшего дома. Так здорово обеспечить себе свободу и так бездарно спрятаться!..

— А где второй? — поинтересовался я у Сергея Ивановича, который подошел узнать мое состояние.

— Наверняка, в магазине, с пулей в груди. Этот гад убил своего приятеля, чтобы легче было убежать...

Ехать обратно пришлось в автобусе с омовцами — все остальные машины были переполнены. Я сел на свободное заднее место и начал с интересом наблюдать, как в нашу машину вталкивают человека, который сумел заставить сотню людей на время попрощаться с жизнью. Он шел, не сопротивляясь, понимая, что он бессилён против своей судьбы. Его повалили на пол между рядами лицом вниз. И тут случилось то, что я не мог забыть еще много лет. Омоновец, который находился ближе к преступнику, вдруг заехал тяжелым кирзовым ботинком по лицу. Тот затрясся от боли, но промолчал, и тут же получил удар по печени от другого бойца. И так, по очереди, все кому не лень избивали бедного грабителя, мстили за опасно проведенное время.

— Вы чего делаете!?! — крикнул я, не подумав. — Он же до суда не доживет!

Для омовцев мой крик был не заметнее комариного писка. Только один, их командир метнул на меня злой взгляд и процедил сквозь зубы:

— И слава Богу. А ты лучше помалкивай, а то мы твои «золотые мозги» слегка поправим.

Я решил больше не вмешиваться, и до самого ГУВД старался смотреть только на витрины пролетающих магазинов. А рядом умирал и стонал от боли человек...

* * *

Проводницу звали Молодая. Елена Молодая. Прямо как, Василиса Прекрасная или Премудрая.

Когда я впервые увидел её, то не думал, что это та, кого мы ищем — я искал именно *молодую* женщину. Однако годы ее расцвета уже давно прошли, ей было под сорок, и она была счастлива со своим мужем и двумя детьми.

Елена знала о случившемся, это я понял сразу, заметя её нездоровый вид.

— Вы по поводу Сергея? — спросила она, оглядывая нас заплаканными глазами.

Мы с Митько кивнули одновременно и Молодая впустила нас внутрь своей квартиры.

— Как я понял, вы были знакомы с потерпевшим, — начал Митько, когда мы сели на диван в гостиной.

— Да, мы работали вместе пятнадцать лет. Что вы хотите узнать?

Я замолчал, предоставив право задавать вопрос Сергею Ивановичу, однако тот кивком указал, чтобы это сделал я. Поразмышляв пару секунд, я начал:

— Скажите, когда вы видели Короткова в последний раз?

— Вчера. Он ехал в моем вагоне поездом «Киров — Сахаров». Я заметила его еще при посадке; потом, когда было свободное время нашла его купе. Мы немного поболтали, затем я видела, как он сходил. И все.

— Вы у него багаж видели?

— По-моему видела. Чемодан такой маленький.

— О чем вы разговаривали?

— Да так, о своем. О чем могут разговаривать старые знакомые? Я рассказывала, как

мы работаем без него и...

— А он, как себя вел?

— ... Он молчал. Мне даже показалось, что он меня, местами, не слушает. У него был нездоровый вид.

— Он вам ничего не говорил о предстоящей встрече или о своих опасениях?

— Нет, ничего такого не было. Хотя... он все-таки был нездоров. Когда он сошел и я просталась с ним, то заметила, что он был бледным, как мертвец.

— Что вы ему тогда сказали? — спросил Митько.

— На прощанье? — Молодая задумалась, выставив вперед свои передние зубы. — Я говорила, кажется, что скоро уеду к сестре в Череповец. Сергей после этих слов вытаращил глаза и даже «до свидания» не сказал. Я тогда обиделась, а сейчас...

Митько сделал небольшую паузу, чтобы Елена смогла успокоиться.

— У Короткова родственники были?

— Он вообще-то детдомовский. Была у него сестра, но она умерла несколько лет назад. Остался только племянник, Андреем, кажется, зовут. В Кулинске живет...

Этих слов мы ждали два дня. Значит Митько был прав: племянник после смерти матери каким-то образом оказался в Кировской области.

— Коротков от него ехал?

— Да, это он мне сказал.

Митько вздохнул, его лицо выражало полную удовлетворенность.

— Последний вопрос, — сказал он, и Молодая напряглась, как знатоки в финальном раунде «Что? Где? Когда?». — Когда отправляется поезд из Сахарова в Кулинск?

Елена явно не ожидала такого вопроса, как собственно и я.

— Четырнадцать часов, пять минут по московскому времени, — медленно отчеканила она. — Ежедневно.

* * *

Сегодня было сухо и тепло. У автобусной остановки собралась огромная толпа людей: все спешили с работы домой.

Митько окинул ее пренебрежительным взглядом и предложил:

— Давай, пешком. Тут недалеко, да и свежим воздухом заодно подышим.

Я согласно кивнул: мне тоже не хотелось давиться в автобусе.

— Ну и что ты думаешь об этой Молодой? — спросил Сергей Иванович, медленно шагая по проспекту.

— Зубы у неё, как у Роналдо.

— Я не об этом. Что ты думаешь о том, что она рассказала?

— В общем, она нам дала много полезной информации. Мы знаем, цель приезда Короткова в Кулинск; знаем, что у него был чемодан, и знаем, что он чувствовал опасность...

— То, что он не слушал болтливую подругу, ещё ничего не значит, — заметил Митько.

— А его бледность? А то, как он отреагировал на слова Молодой?

— Да, это действительно странно... Слушай, Володя, мне в «наследство» от Фонаренко досталось дело об убийстве того голого мужика, помнишь? У меня у самого дел по горло, так

что ты помоги немного, хорошо?

Я обречённо кивнул.

* * *

Он назначил встречу на Ивановском мосту, точнее в местечке, находившемся рядом с ним. Здесь было пару ресторанчиков, эстрада и различные аттракционы. А также скамейки, стоящие на набережной реки Верны. На одной из них я и заметил его.

Почему он назначил встречу именно здесь, я понял сразу по его виду. Он был из тех людей, которые любят пофлиртовать с незнакомыми девушками, попить спиртного в ресторане, и послушать дешёвую музыку.

Олег Видяев был напарником и близким другом Ивана Леркина, застреленного у себя в квартире. Возможно, он видел убитого живым одним из последних; поэтому Митько решил послать меня за информацией.

Видяев тоже меня узнал: встал и протянул руку. Я поздоровался и спросил, чтобы удостовериться:

— Вы — Олег Видяев?

— Да. Здесь болтать будем?

— Здесь, — я сел на скамейку. — Расскажи о дне, когда ты видел Леркина в последний раз.

— Обычный день, — Видяев остановился и, понизив голос, спросил: — У тебя закурить не найдется?

— Нет. Сам ищу.

Вообще-то я совсем не курил, однако знал, какое впечатление производит на современного «крутого» такое обстоятельство.

— Ладно, — сморщился Олег. — Короче, в тот день мы перевозили крупную сумму денег. Все прошло без происшествий, как обычно. Мы работаем втроем; по ночам по очереди дежури́м в банке. Тогда была очередь Мишки. У него как раз день рождения было, и мы решили отметить. Спиртного было немного, но Ванёк надрался порядочно. Потом, Мишка остался спать в банке, а я повёз Ваньку домой. По дороге он оклемался и попросил остановиться в одном месте. Ну, а в этом месте всегда навалом «живого товара», проституток, понимаешь? Он сказал мне ехать, а сам взял себе одну, черную такую. Больше я ничего не видел.

— Он вам говорил, что за ним кто-то охотиться, или что ему кто-то угрожает?

— Нет, он жаловаться не любил, особенно когда не трезвый. Все проблемы свои всегда сам решал.

— Как выглядела та проститутка?

— Я же говорю, волосы черные, возможно парик. Рост невысокий, стройная, особых примет вроде не заметил.

Задавая следующий вопрос, я замялся:

— Слушай, Олег, я в этом деле неопытный...

— В каком деле? Ты о чем?

— Ты случайно не знаешь, сколько времени работает проститутка?

Видяев мерзко улыбнулся:

— Это зависит от платы. Леркин был человеком богатым, он всегда брал до утра. Это было все, что я хотел узнать, поэтому я встал и протянул Видяеву мятую десятку: — На сигареты.
Теперь надо было быстро уходить.

* * *

«Дивизионная. Следующая остановка — Дом Кино.» — прозвучал голос водителя, и я, продравшись к дверям выскочил на тротуар.

Второй день работы в органах был ничуть не лучше. К вечным допросам и рутинной работе за столом добавилось еще ощущение смерти. Однако следствие меня действительно захватило: мне было интересно узнать, замешана ли в убийстве Леркина проститутка, и кто же, все-таки, убил старика Короткова.

В отличие от других дворов, рядом с моим подъездом всегда горел фонарь: какой-то бдительный житель об этом заботился, несмотря на то, что бдительные хулиганы заботились об обратном.

У дверей подъезда на корточках сидела девочка, которую я видел пару раз на улице в своем дворе. Девочка заливалась горькими слезами, сжимая в руках что-то маленькое и пушистое. Честно сказать, в другой раз я бы прошел мимо, но сегодня у меня было другое настроение, настроение быть добрым и отзывчивым. Я остановился у дверей и спросил:

— Почему ты плачешь?

— Просто так.

— Тебя кто-то обидел?

— Нет.

— Ты не бойся, у меня пистолет есть. Мы этих подонков накажем.

— Я не хочу, чтобы вы убивали моих родителей.

— Тебя обидели родители? — изумился я, и начал искать следы побоев на лице девочки.

— Наша собака оценилась.

«Поздравляю», — хотел сказать я, но удержался.

— Родилось двое щенят. Одного родители отдали друзьям, а для второго хозяина не нашлось. Я хотела оставить его у нас, но папа с мамой сказали, что мы за одной собакой уследить не можем. Мама сказала, что его надо усыпить, но тут вмешался папа и сказал, что дешевле утопить его в унитазе.

Да... Как же черствеют сердца людей с возрастом. Сначала, они дети с чувствительными сердцами, но пройдет всего лишь десять лет, и они уже будут решать, как подешевле лишить своего ребенка счастья.

Я быстро прикинул по какой статье привлечь родителей девочки. Такой статьи еще не выдумали.

— Я испугалась, взяла щенка, — продолжала между тем юная спасительница животных. — И, пока никто не видел, убежала из дома.

— Ты в этом подъезде живешь?

— Да на пятом этаже.

— Они, что ли, тебя еще не ищут?

— Не знаю. Может, думают, что я ушла к подругам; может, обзванивают по телефону всех знакомых.

«Хорошо бы так» — подумал я и спросил:

— А ты то чего хочешь?

Если она бы ответила: «шоколадку», то можно было сразу оставлять девочку на произвол судьбы. Однако, она ответила по-другому:

— Вы не знаете, есть ли где-нибудь поблизости питомник для собак? Пусть он лучше будет жить в клетке, чем умрет.

Раньше я считал, что таких благородных девочек больше нет на свете. Значит, не так ещё сгнило наше новое поколение.

И вдруг я понял, как смогу помочь девочке и заодно себе избавиться от одиночества.

— Можно я возьму его... себе? — осторожно спросил я.

— Вы его не убьете?

— Нет, нет. Он будет жить у меня в квартире.

Девочка засияла от счастья и протянула мне дрожащий от холода «шерстяной» комок.

— Это мальчик?

Девочка напряглась, как будто от её ответа что либо зависело.

— Да.

— Хорошо, — сказал я и добавил: — А ты иди домой и успокой родителей... Будут проблемы, заходи.

— Вы на третьем этаже живете? В квартире 84?

Я удивленно раскрыл глаза.

— Да. У меня это где-то написано?

— Нет, я видела, как вы переезжали сюда.

— Тогда понятно, — я помог ей встать и открыл дверь подъезда.

* * *

Легко сказать: «взял» щенка к себе. Он же не человек, чтобы показать ему, где кровать и туалет, накормить человеческим ужином и успокоиться.

В детстве у нас была кошка Муся. Я её очень любил, но все-таки мечтал, как Малыш, о собаке. Родители тогда говорили, что с собакой много хлопот, да и Муська может с псом не поладить. Я тогда злился на них понемногу, потом повзрослел и мечта испарилась.

Сейчас, я действительно понял, что с псом забот немало: и кормить его надо по-особому, и выгуливать и за шерстью ухаживать. Хотя, говорят, собаки очень умные, но все-таки не такие самостоятельные, как коты. «Только кошка гуляет сама по себе и лишь по весне с котом...»

Я опустил щенка на пол, он еле держался на ногах, принюхиваясь к новым запахам. Достав из шкафа блюдце, я налил в него молоко, и придвинул к щенку. Тот недоверчиво отшатнулся, но чувство голода дало о себе знать: очень осторожно он начал пить из миски.

— Как мне тебя назвать? — произнес я, хотя щенка, похоже, это волновало меньше всего. — Тузик? Нет... Бобик! Нет, так еще машину называют. Надо как-нибудь по военному. Полковник? Генерал? Капитан? Лейтенант? Прапор? Сержант!

Щенок оторвался от молока, и посмотрел на меня, скорее всего, желая узнать, отчего я

так кричу. Я же принял этот жест, как согласие с последним именем.

— Поздравляю с новосельем, Сержант, — весело сказал я.

Щенок облизнулся в ответ.

Глава четвертая

На улице начиналась жизнь: сквозь открытое окно вместе с приятным ветерком доносился гул машин и стук трамвая. Я сидел за своим столом и пытался вклиниться в работу.

Спать хотелось ужасно, но я, пересилив желание, открыл глаза и взял в руки бумагу. Это были итоги судебной экспертизы по делу Леркина. Так... убит выстрелом из... неинтересно... смерть наступила... тоже неинтересно, ага вот: «в крови найдено большое количество алкоголя и вещество..., которое имеет усыпляющий характер». Значит, нашего Ванька сначала усыпили, убили и ограбили. Стоп! Зачем убивать, если он и так в отключке? Может, он очнулся ото сна и попытался задержать преступников? Тогда, почему стреляли в затылок?

Я широко зевнул. После вчерашней возни с Сержантом, я лег спать только в час ночи. Вошел Митько и поздоровался:

— С добрым утром.

— Ага, — выдавил я.

— Я связался с Кулинском и узнал адрес Варякина Андрея — племянника Короткова.

— А зачем это?

— Мы с Совковым посоветовались, и решили отправить кого-нибудь в Кулинск.

— И кто это будет? — я задавал вопросы машинально.

— Ты.

— Я? — я встрепенулся и с удивлением посмотрел на Сергея Ивановича. В том, что меня назначили на командировку, наверное, не было ничего удивительного, но в полусонном состоянии мне это почему-то казалось невероятным.

— Ты, ты. А что есть возражения?

— Нет. А что я должен буду сделать?

— Поговорить с Варякиным, спросить его о Короткове, и уж дальше действовать по обстоятельствам. Поезд, если ты помнишь, выходит из Сахарова в шестнадцать часов, пять минут по местному. Сейчас ты получишь деньги и купишь два билета, туда и обратно. Второй билет бери на вечер пятого числа. Одного дня тебе будет достаточно.

Я лихорадочно запоминал новые указания и чувствовал, что сон проходит без следа.

— ... Сюда можешь не возвращаться. Из вокзала поедешь домой и соберешь вещи. Понятно?

— Так точно.

Я сорвался с места и уже через двадцать минут стоял в очереди у кассы на железнодорожном вокзале. Желаящих прокатиться на моем поезде, было немало, но я все же урвал два плацкарта и поехал домой.

По дороге я понял, что у меня есть причина, по которой я не могу отлучаться из дома. Сержант! День назад, я бы без разговоров покинул дом и даже не поручил бы никому «цветочки полить». Теперь же мне нужно искать кого-нибудь, кто будет присматривать за щенком, ведь нельзя же его оставлять одного на полтора дня.

Хотя искать никого не надо было. Няня для Сержанта жила неподалеку, на пятом этаже моего подъезда.

Я не знал ни её имени, ни точного адреса. На пятом этаже четыре квартиры, даже если звонить во все по очереди, то, что спрашивать? «У вас девочка живет, ну такая еще маленькая, красивая?». В лучшем случае, человек подумает, что я равнодушен к детям. А в худшем...

Что я знаю о той девочке? Собака! В смысле, у нее есть собака. Вот, кто мне поможет.

Я на ходу достал свое удостоверение. Прикинув угадать квартиру девочки по внешнему виду двери, я подошел к ближней и постучал.

— Чего надо? — послышался за дверью недовольный мужской голос.

— Мы разыскиваем собаку, которая загрызла вчера человека.

— А ты кто?

— Уголовный розыск, — я достал «корочки» и помахал им перед глазком двери.

Однако, отворять мне, видимо не собирались.

— Нет у нас никакой собаки. В квартире напротив спроси, у них овчарка живет.

Овчарка? Значит, вот какой породы Сержант. Я подошел к соседней двери, позвонил и повторил свои вопросы.

Дверь мне отворил низкорослый мужчина.

— Загрызла, говорите? — переспросил он и задумался. — Нет, наша Рони этого не делала. Мы не выпускаем ее на улицу без присмотра.

— У вас ещё дома кто-нибудь живет?

— Да. Жена и дочка.

— Дочка? — удивленно вскинул я брови. — Свидетель что-то говорил о девочке. Позовите-ка её.

Мужчина посмотрел на меня испуганными глазами и крикнул:

— Ира! Иди сюда.

Она вышла и, конечно, меня узнала. Я подмигнул ей и важно сказал:

— Мы должны побеседовать конфиденциально... без свидетелей.

— Поговорите здесь, — предложил мужчина. — Я уйду в комнату.

— А пройти на кухню можно? — робко поинтересовался я.

— Да, — мужчина несколько озадаченно проводил нас к кухне.

Я дождался, когда Ира зайдет за дверь, и шепнул ее отцу:

— Так надо.

Он все понял.

Ира выглядела ещё испуганнее, чем отец.

— Рони, правда, никого не трогала, — сказала она, когда мы сели за стол. — Я сама её выгуливала.

— Да успокойся ты, — я замолк, услышав у двери подозрительный шум. Значит, не хотят, чтобы мы поговорили без свидетелей.

— Ира, нам нужно серьезно поговорить, — я снова принял серьезный вид. — Можно

воды?

— Конечно. У нас в чайнике кипяченая есть.

Я налил в стакан воды и, подойдя к двери, облокотился на нее. Она закрылась до конца; щелей для подсматривания не осталось.

Затем, я подошел к раковине и открыл кран. Из него, с шумом полилась вода. Теперь, если говорить тихо, подслушивать будет весьма затруднительно. Убедившись, что все в порядке, я продолжил:

— Успокойся. Рони ничего не делала, я сам придумал эту историю, чтобы вызвать тебя без лишних подозрений. Ты мне нужна по другому делу...

— Вы хотите отдать щенка? — лицо Иры снова стало мрачным.

— Господи, откуда у тебя такие мысли? Конечно, нет. Я просто уезжаю на пару дней и хочу, чтоб ты присмотрела за Сержантом...

— Вы так его назвали? — по интонации я не понял, нравится ли ей эта кличка или нет.

— Да.

— Здорово.

— Так ты сможешь за ним присматривать?

— Да, конечно, — Ира действительно выглядела счастливой.

— Я оставлю тебе ключи и деньги. купишь ему какой-нибудь еды, я же не знаю, что они там едят.

— Хорошо, хорошо. Э... — в этот момент Ира, видимо, хотела о чем-то попросить, однако не могла вспомнить мое имя.

— Меня зовут Белов Владимир Сергеевич.

— Владимир... Сергеевич, пожалуйста, скажите моим родителям, что вы пошутили, а то они у меня очень строгие.

Действительно, после моих слов о свидетеле, который видел девочку, ее отец, может быть, приготовил ремень. Я закрыл кран, вышел из кухни, и начал натягивать обувь у входной двери. Отец Иры выглянул из гостиной.

— Извините, — сказал я. — Мы ошиблись.

— Это сделала не Рони?

— Нет, та собака таксой была, — я закрыл дверь и помчался по лестнице домой.

* * *

«Начинается посадка на поезд N... Сахаров-Киров. Посадка производится на третьем пути, второй платформе...». Толпа пассажиров схватила сумки и наперегонки побежала по подземному переходу к выходу на вторую платформу. Бегать, толком я не умел, поэтому всего лишь замыкал первую десятку спринтеров. Дистанция была небольшая: пробежав метров сто, мы поднялись по лестнице вверх. Проводницы поезда, увидев нас, приняли боевое положение. Теперь, главная задача гонки состояла в том, чтобы быстрее остальных добежать до своего вагона. В это время, я с десятого места переместился на девятое. Нет, обогнать я никого так и не смог; просто, возглавляющая гонку длинноногая тетка зацепилась о торчащий из земли провод и с шумом повалилась на асфальт. Лихо перепрыгнув через нее, я, наконец, нашел свой вагон. Проводница, не торопясь, приняла билет и так же медленно возвратила его обратно. Заняв приличное, на мой взгляд, место, я успокоился и, отдернув

шпору, начал разглядывать завершение гонки.

Вагон постепенно заполнился людьми, по вокзалу пару раз объявили отправление нашего поезда и прибытие другого поезда на наш путь. Через минуту поезд тронулся и незаметно начал набирать ход. Моими соседями стали женщина и её ребенок; еще одно место пустовало. Его обладатель нашелся через несколько секунд: высокий, полноватый мужчина в широкополой шляпе, убедившись, что место свободно, присел на него и, на мой манер посмотрел в окно. Его лицо было мне знакомо, однако вспомнить, где я мог его видеть я не мог. Мужчина оторвался от окна, обвел глазами всех людей вокруг и вдруг, заметив меня, улыбнулся:

— Владимир?

Вспомнил! Это же друг Митько — Багрентов Вадим, следователь прокуратуры. Я тоже улыбнулся и закивал.

— А вы следователь Багрентов.

— Правильно. Ты куда направляешься?

— В Кулинск, в командировку.

— Надо же, я тоже.

Словом за слово мы разговорились. Вадим оказался очень болтливым человеком, однако скучно с ним не было. Багрентов рассказывал обо всем, при этом, не ответив на вопрос, о цели его командировки.

— Много будешь знать, скоро состаришься, — сказал он и начал рассказывать очередную историю из молодости.

Остаток дня прошел незаметно. Перед сном Багрентов, на всякий случай, дал мне адрес своей гостиницы и сказал явиться при любых проблемах. Являться я, конечно, не собирался, но все же надежно спрятал бумагу с адресом в карман.

* * *

Я заснул, когда погас последний свет в вагоне, последний ребенок перестал верещать и последняя овца перелетела через барьер...

* * *

Кулинск находился на северо-востоке Кировской области, в пятистах километрах от Кирова. Погода в сентябре здесь была ужасной — это я почувствовал при выходе на перрон. Дул сильный северный ветер, сверху на землю падал то ли снег, то ли дождь. Я пожалел, что не взял с собой какой-нибудь теплой одежды.

— Иди, иди, — подтолкнула меня сзади толстозадая девица в юбке. Я соскользнул со скользких ступенек и тут же оказался на асфальте. Поднялся смех; девица с широким тазом, ухмыляясь, сказала:

— Осторожнее надо, парнишка.

У меня чесались руки выхватить из кармана свой «макаров» и высадить первые пол обоймы в деваху, а вторые в смеющихся людей. Но в тюрьму мне сегодня не хотелось, поэтому я спокойно посмотрел на обидчицу снизу вверх, встал, отряхнулся и шепнул:

— Красивые трусики.

Ухмылка исчезла с лица девицы, она побагровела и крикнула: «Ты, чувак, охренел что ли?» или что-то в этом роде. Я её уже не слышал, я уже был при входе на вокзал. Нужно было торопиться, потому что с девицей мог быть ее муж, и тогда уж без пистолета бы не обошлось.

* * *

В Кулинске жило, как ни странно, два Варякиных Андрея. Я должен был найти среди них племянника Короткова, допросить и сразу же созвониться с Митько, который будет решать, что делать дальше.

Кинув монетку, я выбрал адрес, который буду проверять первым. Пришлось расспросить с полдесятка жителей, прежде чем я узнал, где находится улица Первомайская. Кулинск был не таким уж и маленьким городом: ходили и трамваи и троллейбусы. Остановка «Первомайская» находилась на самой окраине города: здесь деревенские домики смешивались с небоскребами и другими каменными домами. Этот район был не самым лучшим в городе; о чистоте здесь, похоже, уже давно не вспоминали.

Поднявшись по лестнице, я постучал в дверь квартиры первого Варякина. Открывать мне никто не собирался. Я начал долбить дверь, надеясь, что Варякин просто крепко спит.

Дверь открылась, но не та, которая была нужна, а соседская. Оттуда выглянула щупленькая женщина, посмотрела на меня и взвизгнула:

— Чего долбишься? Раз не открывают, значит, никого нет, — она помолчала и добавила: — Он всегда уходит по утрам, а куда не знаю, — она решительно закрыла дверь.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Вот, невезение! Мы с Митько даже не подумали, что наши Андрей могут находиться на работе или ещё где. Ладно, пойду ко второму. Напоследок, я, на всякий случай, я повернул ручку двери... **Она открылась!**

Я замер и задумался. Если человек куда-нибудь уходит, он, обычно, закрывает за собой дверь. Он может оставить её открытой, только если уходит ненадолго. Что делать? Ждать? Нет, надо действовать. Я вдохнул побольше воздуха и вошел в квартиру.

В коридоре было пусто, в ближайшей комнате тоже. Я не знал почему, но мне было очень страшно. Я достал пистолет, передернул затвор и направился в следующую комнату.

Я так и знал! Вот он, Варякин Андрей лежит в луже крови на холодном линолеуме. Вместо горла красное кровавое месиво. Это было настолько ужасно, что я тут же выбежал из квартиры, выскочил на улицу и побежал. Бежал я долго и без направления. К горлу снова подкатила волна. Я пересилил себя, чтобы вчерашний ужин не оказался на земле. Остановился у моста через какую-то реку и перевел дух.

Во, дурак! Даже следы свои не стер! Я ведь теперь главный подозреваемый; та тетка меня запомнила, да и другие люди видели, как я бежал. «Отчего мне так, в жизни не везет?». Первая командировка, и тут же труп.

Успокойся, Белов, успокойся. Может, это не тот Варякин, а тебе нужен совсем другой. Я вспомнил адрес второго Андрея, и уже через десять минут стучал в его дверь. На этот раз мне открыли сразу. На пороге появился пожилой старик.

— Мне нужен Варякин Андрей, — сказал я.

— Это я, — ответил старик.

— Вы? — я задумался. — А больше здесь людей с таким же именем не проживает?

— Нет. Я один.

— Спасибо. До свидания, — я был огорчен. Это дед Короткову в братья годится.

Ну что ж, все равно нужно связаться с Митько. Переговорный пункт находился рядом, в двух минутах ходьбы.

Я забрался в кабину и набрал код Сахарова, и номер нашего отделения.

— Милиция. Дежурный Турин слушает, — наконец, отозвались на том конце.

— Говорит младший лейтенант Белов. Мне нужен Сергей Митько.

— Митько на задании. Перезвони через полчаса.

Опять не везет. И куда мне теперь идти? К Багренцову! Сидеть у него в номере я не буду, а вот попросить совета можно. Не зря же он просил прийти при любых проблемах.

Гостиницу я искал долго. Когда нашел, полчаса, о которых говорил дежурный, уже прошли. Однако идти обратно было глупо, и я вошел внутрь, поднялся на второй этаж к номеру 216. Дверь была приоткрыта. Я зашел без стука и...

Господи! Та же картина! Человек, с которым я совсем недавно разговаривал, лежал на полу с перерезанным горлом.

Спокойно, Белов! Не убегай, может, он еще жив, и ему нужна твоя помощь. Я зашел в номер и осмотрел труп. Нет, он, конечно, мертв. Застывшие в ужасе глаза, раскрытый рот...

Телефон стоял рядом, я схватил трубку и набрал 02. Продиктовав сообщение и адрес, я вышел к окну, чтобы отдышаться. Машина милиции подъехала к входу гостиницы. Оттуда выбежали трое мужчин. Не слишком ли быстро? Не прошло и минуты после того, как я позвонил, а они уже здесь. Оперативно.

Дверь резко открылась, опера ворвались в номер; один из них, увидев меня, прорычал:

— На пол, лицом вниз!

— Погодите, — начал было я, но меня повалили на пол и начали обыскивать.

— А вот и пистолет, — пробормотал опер, вынимая оружие из моего кармана.

— Я вас вызвал...

— Молчать!

— Давай его в наручники.

Меня приподняли, завели руки за спину и сковали сзади. Я решил начать попытку заговорить вновь.

— Это ошибка! Я же, как вы «мент» понимаете?...

— Кто «мент»?!

— Ты, кого «ментом» назвал, сволочь?!

Я где-то читал, что после одноименного сериала, слово «мент» перестало быть обидным. Видимо эти ребята телевизор не смотрят. Я хотел было объясниться, но не успел: мощный удар локтя в лицо заставил меня отскочить к стене, и, захлебываясь подбежавшей к горлу кровью осесть на пол. Атака на этом не окончилась: подбежавший мужчина с силой заехал ногой в живот. Потом еще удар и еще. Защищаться было невозможно: руки были закованы за спиной; единственное, что я мог делать — пытаться уклонить голову от сыпавшихся ударов. Теряя сознание, я молил Бога, чтобы проснуться наутро у себя в постели живым и здоровым; взять портфель и пойти в школу, поцеловав на прощание маму. Последнее, что я видел, как опер вытирает руки о мою рубаху и улыбается...

Я очнулся в темном помещении на холодном и твердом бетоне. Все мышцы ужасно болели, голова гудела, как пароход. Сделав огромное усилие, я присел, и огляделся. Я находился в камере предварительного заключения. Рядом на скамейке сидел мужичонка и широко ухмылялся.

— Чего, парень, оклемался?

Я ничего не ответил, попытался встать, но не смог.

— Тебя за что взяли? — продолжал расспрашивать мужичонка.

— Не знаю.

— Не хочешь говорить, не говори. Я вот тоже не знаю, — он противно засмеялся.

— Сколько сейчас времени?

— А я знаю? Меня еще вчера взяли. Что ты им сделал?

— Кому? — не понял я.

— «Мусорам».

— Ничего.

— Понятно. Скучно им, значит стало. Меня они только один раз ударили.

— Я долго здесь лежу?

— Долго. Я тебя общмонал немного: думал папироски найду, ты извини. «Мусора» все забрали, козлы, — мужичонка замолк и, прищурив и без того узкие глаза, спросил: — А тебя не из-за того ли дела взяли?

— Какого дела?

— Как какого? Про которое по всем каналам рассказывают.

— Про «Курск» что ли?

— Какой «Курск»?! Я про чертежи говорю. Ты, что ли, не здешний?

— Нет, я из Сахарова.

— А какого... здесь делаешь?

— По делу. Что там за чертежи то?

Мужик уже открыл рот, чтобы ответить, но тут за дверью послышались шаги.

— Извини, парень, это за мной приши, потом расскажу.

Дверь открылась, появившийся в проеме человек громко сказал:

— Белов, на выход!

— Вот, блин, — услышал я бормотание мужика. — Сколько еще сидеть?

Оперевшись о стену я встал и вышел из темной камеры. Щурясь от света, я подождал, пока милиционер закроет дверь, и протянул руки для наручников. Мент, увидев это, ухмыльнулся и подтолкнул меня в спину:

— Вперед.

Идти было тяжело; я двигался, еле передвигая ноги. Мы шли недолго; мент привел меня к двери, обитой кожей. Сначала зашел сам, потом затащил меня внутрь.

В кабинете сидели двое: лысый полковник и... Митько.

От удивления я раскрыл рот. Откуда он здесь? Когда он успел приехать?

Полковник улыбнулся и сказал:

— Чего стоишь? Садись, — он указал мне на стул. Я сел и вопросительно посмотрел на Митько. Тот ничего не ответил.

— Извини, — продолжал полковник. — Ошибочка вышла, — он говорил так, как будто мне недоплатили в магазине. — Ко мне Сергей Иванович пришел и все рассказал. Вот твои вещи, — он протянул мне сумку и пакет.

— Ты как, Владимир, себя чувствуешь? — наконец, отозвался Митько.

— Хреново, — я не стал ни врать, ни корчить из себя героя.

— Он должен пройти медицинское обследование, — сказал полковник. — У нас есть отличный медпункт.

— Спасибо, я лучше в Сахарове.

— Нет, нет, у нас прекрасные врачи.

— Пойдем, Владимир, я тебя провожу, — Митько встал со стула и подошел ко мне.

Я поднялся и, бросив на полковника недобрый взгляд, повернулся к двери.

* * *

Я сидел на мягкой кушетке; хорошенькая медсестра смазывала мои ссадины йодом. Митько находился рядом.

— Что ж ты, Володя, делаешь? — спросил он, когда медсестра отошла.

— А что? — не понял я.

— Я поручил тебе командировку, думал ты справишься, а ты вместо этого умудрился попасть в тюрьму. Ты говорил с Варякиным?

— Не успел.

— То есть?

— Он мертв, — я специально сделал паузу и продолжил: — Я нашел его с перерезанным горлом, потом пошел звонить вам: вас не было. В поезде я встретился с Багреновым, вашим другом, он дал мне свой адрес. Я пошел к нему, и он тоже оказался мертвым.

Митько резко повернулся в мою сторону. Его лицо стало смертельно-бледным. Он медленно проговорил, глядя мне прямо в глаза:

— Так это был Вадим? Тебя взяли из-за Вадима?

Я отвел взгляд. До меня только сейчас дошло, что Митько еще ничего не знает о смерти своего друга. Он знает только, что меня посадили, и все.

Молчание длилось долго, до того момента, когда к нам подошел врач и сказал:

— Никаких переломов и сотрясения мозга у вас нет, только мелкие ушибы.

— Спасибо, — сказал я и встал. Митько все ещё не пришел в себя.

— Сергей Иванович, пойдете.

Он очнулся.

— Да, да, идем.

Мы вышли в коридор.

— Который час, Сергей Иванович? — спросил я.

— У тебя же есть часы, — напомнил Митько.

— Точно, — я достал их из пакета и нацепил на руку. Двенадцать часов, полдень.

Быстро же Митько появился.

— Сергей Иванович, как вы успели так быстро приехать?

— Почему, быстро? Я приехал твоим поездом. Ты здесь уже второй день.

— Как второй?!

Я посмотрел на часы: шестое сентября. Получается, я целые сутки пролежал в камере? Не может быть!

— Тогда мой билет просрочен? — протянул я.

— Да. Я купил тебе другой. Нам позвонили вчера, сказали, что у них под стражей наш человек. Я созвонился с начальником этого отдела, а он оказался моим старым знакомым. Попросил у Совкова отпуск на пару дней и поехал тебя вызволять.

Мы вышли из здания и направились к остановке.

— ... Я объяснил полковнику цель твоего приезда, он все понял, и, по старой дружбе, отпустил тебя без всяких разбирательств. Вот и всё. Ты сейчас поедешь домой, а там постарайся закончить какое-нибудь дело: до конца стажировки осталось немного.

— А вы что, не поедете?

— Нет, я собирался завершить твою работу. Тем более из-за Вадима...

Митько замолчал, а я понимающе кивнул.

Подошел автобус; я влез в него и помахал Митько рукой. «Следующая остановка — ж/д вокзал» — прозвучало по вагону. Моя первая командировка подошла к концу...

Глава пятая

Лев Шутов был высоким, стройным мужчиной с высокими скулами и черными, как смола, волосами. Завидев меня, он дико улыбнулся, пожал мою руку и важно сказал:

— Белов, пока Митько в отъезде, ты будешь под моим руководством. Какое ты дело ведешь?

Я вкратце объяснил ему обстоятельства дела Леркина. Он задумался, закурил сигарету и предложил поведать ему мою версию.

К этому я был готов.

— Леркин, — начал я. — порядочно надравшись с дружками, решил взять проститутку. Они приехали домой, Леркин разделся, она может тоже. Короче, потом, она подсыпала ему в бокал — с шампанским или водкой — сильное снотворное. Он заснул, а она собрала в сумку все его вещи. Что было потом я не знаю, но в итоге либо Леркин проснулся и начал нападать на нее, либо она добила его спящего.

— Думаешь, это преступление не одно?

— Скорее всего.

— Что-то я не слышал о таких ограблениях на нашем участке.

— Может на соседнем были.

— И что ты предлагаешь?

— Ну... Можно попробовать найти эту девушку.

— А потом? Нам нечего ей предъявить. Свидетель у нас один. И тот поддатый. Да и не доказано, что это именно проститутка убила Леркина. Хотя... твоя версия мне нравится.

Он затаился и продолжил:

— Мы должны поймать его на месте преступления, — в глазах Шутова я заметил огонек. — Мы найдем её, потом купим и, когда она тебя усыпит, поймаем с награбленным.

— Почему **меня**? — недоуменно поинтересовался я.

— Ты будешь жертвой.

— Почему я?

— Не спорь со старшими. Я человек женатый, а жена у меня ревнивая. Ты хочешь Крылова послать?

Я улыбнулся. На пятидесятилетнего эксперта, проститутка вряд ли бы клюнула.

— А как мы её найдем? Она наверняка поменяла место работы.

— Знаю я тут несколько значных мест, — задумчиво сказал Шутов. — Надо будет с тем свидетелем их осмотреть. Операцию начнем сегодня вечером. Назовем её... «Белов и шлюха». Нет. «Прощай, шлюха». Да, вот так.

— Работать будем после конца рабочего времени? — в такт Шутову спросил я.

— Да, — с жаром ответил он. — В девять ноль-ноль. Я настрою повестку свидетелю, найду две машины и подставных денег. Ох, повеселимся!

От его уверенности мне стало нехорошо.

* * *

Она сидела на скамейке и смеялась. Сержант стоял у нее на коленях и гонялся за своим

хвостом. Мне было приятно наблюдать за ними, такими счастливыми и беззаботными, и было жалко нарушать их спокойствие. Однако, время поджимало; я вышел из темноты и направился к скамейке.

Сначала она вздрогнула от неожиданности, потом узнала меня, но ее лицо все еще оставалось испуганным.

— Дядя Володя, здравствуйте. Вы что, упали?

Я, наконец, понял, почему она так испугалась: после поездки в Кулинск и связи с тамошней милицией, мое лицо назвать приятным было невозможно.

— Да, упал. Как Сержант?

— Хорошо. Я с ним гуляю после школы.

— Ясно. Пойдем домой.

— А можно, я еще с ним буду гулять, — спросила Ира, когда я открыл свою дверь.

— Конечно, — ответил я. — Когда захочешь.

Времени до операции оставалось мало. Я нашел в гардеробе более-менее приличный костюм, надел его, проверил пистолет, сделал себе зализанную прическу, покормил щенка и начал ждать.

* * *

Шутов позвонил в полдевятого, сказал, что заедет за мной через пять минут.

Когда мы ехали на новой белой «ауди» к дому свидетеля, Лев Николаевич решил уточнить некоторые детали.

— Ты машину водить то умеешь?

— Умею, но прав нет.

— Ладно, — задумался Шутов. — Посты ГИБДД я оповещу. Значит так. Сейчас я заберу свидетеля и с ним на своей машине буду осматривать места, где собираются проститутки. Ты с водителем будешь ехать за нами. Когда свидетель узнает её, мы передадим тебе сообщение по рации. Дальше водитель высаживается из твоей машины, а ты подъезжаешь к ней, покупаешь и везешь на квартиру, вот адрес и ключи. Там, в шкафу на кухне стоит бутылка шампанского и бокалы. Сделай так, чтобы она смогла подсыпать тебе снотворное в бокал, а потом вылей содержимое куда-нибудь и притворись, что уснул.

Она обворует тебя, а когда будет выходить, мы ее возьмем, понял?

Я кивнул. Вечер предстоял быть веселым...

— Не волнуйся, — подбодрил меня Шутов. — Если что-то пойдет не по плану, дай нам сообщение по системе «все в порядке».

— По какой системе?

— Господи! — возмутился Лев Николаевич. — Чему вас только учат! Эта система меня однажды от смерти спасла. Мы тогда искали двух опасных убийц, которые целые семьи убивали. Найти мы их никак не могли. Однажды, я домой пришел, смотрю: они, голубчики, сидят и с женой болтают. Они, оказывается, с женой однокашниками были. Ну, я всполошился, но виду подавать не стал. Я просто взял телефон и при них позвонил Сереге Митько. И на все, что он мне говорил, я отвечал только «все в порядке». Серега насторожился, обо всем догадался и помчался ко мне. Подоспел как раз вовремя, когда моя болтушка рассказала «друзьям», где я работаю. Вот так вот.

Я обреченно посмотрел в окно: мы подъезжали к дому свидетеля.

* * *

«Мы колесили по дорогам» уже, наверное, целый час, однако от Шутова не было никаких известий. Я искоса поглядывал за действиями водителя — в общем то я катался до этого только на «копейке», и то один раз, в поле. Однако признаваться в этом Шутову я не стал, и, поэтому, сейчас проходил краткий курс обучения вождению.

Когда мои часы отпели «двадцать два часа», из рации донеслось: «Белов, он её узнал! Запоминай приметы. Парик, на этот раз белый, синяя куртка, белая блузка, черная мини-юбка. Запомнил?»

— Да, — крикнул я в рацию.

— Ну, давай, с богом.

Водитель уступил мне место за рулем и, пожелав удачи, направился к машине Шутова. Я еле удержался, чтобы не уточнить, какая педаль — газ, а какая — сцепление.

Дернув переключатель, я выжал газ и начал медленно отпускать сцепление. «Ауди» резко дернулась и помчалась назад, чудом не врезавшись в пешехода.

— Не то, — сделал я вывод, нажимая на тормоз.

Вторая попытка оказалась удачной: машина тронулась с места и медленно покатила по дороге. Прижавшись к обочине, я начал осматривать ряды девушек, стоящих у входа в кабак. «Вокруг живой товар; в сердцах мороз, в глазах пожар». Вот она! Стоит, покуривая сигаретку, смачно выпуская дым. Я резко остановился, слегка задев бампер стоящей впереди машины. Девушка заметила меня и подошла к двери.

— Развлечемся, мальчик? — спросила она, засунув голову в окно.

— Конечно, — я улыбнулся.

— В машине или дома?

— Дома, конечно. Садись.

Она села рядом; я завел двигатель и тронулся. После пары поворотов, девушка с опаской посмотрела на меня и предложила:

— Может, я сяду за руль?

— Нет, спасибо. Сам справлюсь.

— У папаши, что ли, машину угнал?

— Ага. Тебя как звать-то?

— Юля, а что?

— Меня, Володя.

Кое-как мы доехали до «моего» дома. Закрыв машину, я остановился в раздумье.

— Чего стоим то? — спросила Юля.

— Да так.

Мы стояли, потому что в адресе, который сообщил мне Шутов, не было подъезда, и сейчас я вычислял его методом математического анализа. Закончив размышления, я провел девушку в «свою» квартиру.

Апартаменты, кстати, оказались неплохими, я даже пожалел, что они не мои.

— Сразу начнем? — с места в карьер начала Юля.

— Нет, давай сначала выпьем. Ты посиди в комнате, я принесу шампанское.

— Ну, давай, — лениво отозвалась девушка.

Прихватив бутылку и два бокала, я вошел в гостиную, обделанную в классическом стиле. Разлив вино, я загляделся на мебель и ляпнул:

— Красиво тут... у меня.

— Нормальная хата, — согласилась Юля.

— Я отойду на минуточку, — сказал я и вышел в коридор. Пробыл я там намного больше минуты: я должен был быть уверен, что девушка успела подсыпать снотворное в мой бокал.

Когда я вернулся, Юля уже скинула куртку и находилась в ожидании. Я сел напротив нее, взял в руки бокал. Так, что делать теперь? Выливать, пока она не видит, содержимое? Но куда? На диван, или на пол? Я задумался, потом сказал:

— Юля, смотри какое небо!

Она глянула на меня, как на сумасшедшего, потом все-таки посмотрела в окно. В это время я поменял наши бокалы местами. Конечно, если Юля сейчас заснет, поймать ее с поличным мы не сможем. Однако об этом я понял только потом.

Небо явно не заинтересовало Юлю, потому как она сказала:

— Слушай, давай без романтики.

— Хорошо, хорошо, — согласился я и залпом выпил из своего бокала. Это был единственный случай, когда мне можно было пить при исполнении.

— Что-то спать хочется, — сказал я. — Надо кофе выпить... — после этих слов я засопел. Причем спать действительно хотелось! Я еле удерживался, чтобы не кануть в мир снов.

Юля, тем временем, убедилась, что я сплю, встала с места и подошла к двери. Сквозь закрытые глаза, я почувствовал, как мигает свет в комнате. Затем, минута тишины и стук в дверь. Юля отворила ее и я услышал мужской голос.

— Ну как?

— Нормально. Только вырубился он что-то слишком быстро.

— Ничего. Давай, за дело.

Сообщник! Почему я не подумал о сообщнике? Интересно, Шутов его заметил?

Воры действовали оперативно, и закончили уже через пять минут.

— Все, — с выдохом проговорил мужчина. — Этого так оставить или прибить?

— Лучше прибей. Так поспокойнее.

НЕТ! Я отчетливо услышал, как передернулся затвор пистолета. Попробовал двинуться с места, чтобы помешать ему стрелять, но с ужасом понял, что не могу! Все тело ослабло; я спал, оставаясь при этом в сознании. Через секунду, я ушел в небытие.

* * *

Очнувшись, я первым делом осмотрелся. Да... если так выглядит рай, то мы тогда находимся в нем ежедневно. Нет, я не в раю. Это, скорее всего, чей-то кабинет. Я лежу на старом диванчике, рядом стоит стол с компьютером.

Я присел и тут же почувствовал сильную головную боль. На теле ни одной царапины, все цело и невредимо. Что же произошло?

Вошел Шутов и, увидев меня, сказал:

— Проснулся, Володя? С добрым утром.

Я посмотрел на часы. Было уже утро, семь часов пять минут.

— Я где?

— В отделении. Мы тебя здесь положили, это ничего?

— Ничего. Я что, заснул?

— Да. Вчера мы тебя нашли спящим, попытались разбудить — ни в какую. Ну, здесь и оставили.

— Эту парочку, хоть взяли?

— Конечно. Мы как услышали, что он в тебя стрелять собирается, так сразу туда ворвались. Чуть-чуть и не успели бы. Поздравляю с первым раскрытым делом!

— Каким делом! Я же ничего не делал, заснул к тому же.

— Да. Зря ты пил шампанское...

— Я же поменял бокалы.

— Она насыпала снотворное и в свой бокал тоже. На всякий случай.

— Тогда ясно, почему я заснул.

Я потер лоб и зевнул. Уже второй раз я был на волосок от смерти, и оба раза мне везло. Веселая стажировочка!

Глава шестая

Он поцеловал в жену, сел в «шестерку» и помчался по проспекту. Свернув после пяти минут езды, в переулок, он покатился по пустынным дворам. Затем дорога стала совсем плохой — асфальта уже не было. Он сделал последний поворот и припарковался у склада. Нажал на звонок у двери и начал ждать, пока охранник спустится вниз.

— Кто там? — раздался голос с той стороны.

— Я, Костик, я.

— Кто «я»?

— Рапирин Владлен.

— Покажись в глазок.

Только после этой процедуры Костик впустил, наконец, сменщика.

— Ну как тут дела? — спросил Рапирин, вешая куртку.

— Спокойно.

— Хорошо. Ты можешь идти.

Костик радостно отложил ружье, натянул куртку и, попрощавшись, выбежал на улицу.

Они работали сторожами на складе. Костик дежурил днем, Рапирин ночью. Для Владлена Ивановича эта работа являлась основной уже тридцать лет: раньше он охранял школы, магазины, банки и, даже, людей. Сейчас, когда пенсия недалека, он решил взяться за более спокойное дело. Этот склад никого не интересовал, даже пьяницы обходили его стороной. Казалось, что он невидим для всех, кроме хозяев и сторожей.

Рапирин удобно устроился на стуле и взял в руки и взял в руки «Вечерний Сахаров». Не успел он прочитать и двух статей, как услышал настойчивый стук. Владлен подошел к главному входу и спросил:

— Костик, это ты что ли?

— Да, Владлен Иванович, — послышался сдавленный голос. — Я шапку забыл.

Рапирин щелкнул замком и только после этого отчетливо вспомнил что никакой шапки у Костика не было.

Дверь открылась резко; в помещение ворвались трое и, волоча впереди Костю, открыли огонь по мужчине. Рапирин не успел даже крикнуть, как уже оказался на небесах. Главный из троих, лысоголовый мужчина, выделился вперед и сделал контрольный выстрел, хотя Владлен в нем и не требовался.

Затем, второй опрокинул ногой стол и повалил на бок стулья. Лысый взял с пола прут арматуры и заехал по замку двери. Замок отлетел, освободив им путь дальше. Они сметали все, что было на их пути, опрокидывали мебель ломали замки, вскрывали ящики и опорожняли содержимое на пол.

Никто не заметил шума, никто не подошел узнать в чем дело, никому не было дела до склада-невидимки, укрывающем в себе два мертвых тела, и три мертвых души.

* * *

Я взял миску в руки и сказал:

— Сядь. Сядь, Сержант, — и затем, следуя рекомендациям из книги, прижал его спину

к земле. Щенку это не понравилось, и он недовольно заскулил.

— Ладно, ешь, — сдался я и поставил миску.

Уже полмесяца, как Сержант у меня, а я все еще не могу приучить его к команде «сядь».

За эти полмесяца я смог раскрыть только убийство Леркина, еще одно дело об ограблении и всё. Сентябрь кончался, до конца стажировки оставалось совсем чуть-чуть, и я всерьез боялся, что я не пройду аттестацию.

Зазвонил телефон и я недовольно поморщился. Звонить в выходной могла только мать, а болтать с ней мне ужасно не хотелось.

Я взял трубку и сказал:

— Аллё. Говорите, я слушаю. Говорите же.

Я замолчал и услышал в трубке чьё-то усердное дыхание. Я с гневом положил трубку и вернулся на кухню. Телефон зазвонил снова ровно через минуту.

— Аллё. Не молчите. Хватит издеваться. Вот черт!

На этот раз уходить от аппарата я не собирался, и когда он снова зазвонил начал:

— Слушай, ты, маленький поганец, это уже не смешно. У меня на телефоне определитель номера стоит. Так вот, если я захочу, то найду тебя и засуну головой в унитаз, где ты и закончишь свою поганую жизнь!

Долгое молчание; затем знакомый спокойный голос:

— И тебе, привет.

— Сергей Иванович?

— Я понимаю, что звонить с работы в выходной день это свинство, но чтобы так реагировать! У тебя же даже семьи нет.

— Я... это не вам.

— Я понял, Володя. Извини, но нам действительно нужна твоя помощь.

— В смысле?

— Сегодня в отделении никого нет, хоть шаром покати, а на Норвежской улице — разбой. Это же рядом с твоим домом, да?

— Да, — обреченно сказал я.

— Подходи туда, будь другом.

— Хорошо.

В который раз, оставив щенка одного, я вышел на улицу.

* * *

Митько не сказал ни номера дома, ни квартиры. Может, понадеялся на мои дедуктивные способности, может, просто забыл. Во всяком случае, перезванивать в отделение мне не пришлось, потому что найти место преступления было проще простого: где зеваки, там и убийство.

Сейчас толпа людей собралась не у двух домов небоскребов, и не у мелкого магазина, а у скромного склада, которого я раньше, честно говоря, и не замечал.

Подойдя к двери, я невольно отвернулся: там опять лежали трупы. Сейчас их вид уже не вызывал сильной рвоты, но все-таки привыкнуть к ним я не мог.

Митько я нашел сразу: он писал протокол, сидя на перевернутом столе.

— Привет, Володя, — сказал он, не отрываясь от дела. — Свидетелей поищи.

Я кивнул и снова, как тогда на вокзале, вышел к людям. Правда, теперь я не стал читать лекцию о важности свидетельских показаний, а просто пропел, как казачью песню:

— Свидетели есть?

Толпа замолчала, однако голоса никто не подал.

— Не хотите, как хотите, — сказал я и вернулся в помещение.

— Научился, — пробормотал Митько.

— Есть у кого учиться, — заметил Крылов, накрывая труп старика простыней.

— Что это делается! Не толкайтесь, — слышались голоса сзади. Я обернулся и увидел, как сквозь толпу в окружении мордovorотов к нам приближается невысокий, состоятельный мужчина.

Он остановился, осмотрел нас всех и подошел к Митько. Тот оторвался от бумаги и с пренебрежением сказал:

— Здравствуйте, Семен Михайлыч. Давно не виделись.

— Да, давно, — согласился мужчина. — Ты все еще лейтенант? — с этими словами он засмеялся и проговорил громко, чтобы услышал не только Митько, но и все остальные. — Я же тебе говорил, сделать все по-моему. А ты, дурак, не согласился.

— Ты, дурак, все еще думаешь, что доживешь до конца своих дней на свободе?

После этих слов Митько, лицо Семена Михайловича перестало сиять, мордovorоты двинулись в сторону Сергея Ивановича, а я нащупал в кармане свой пистолет.

— Спокойно, — остановил своих телохранителей знакомый Митько. — Ты бы молчал в тряпочку, лейтенант, а то ведь одно мое слово и ты вылетишь из ментовки, как пробка из бутылки шампанского.

— Пугаешь, как дитя малое, — сказал Митько и продолжил: — Твой сарай?

— Мой.

— Поздравляю.

— Спасибо. Что, будем сотрудничать?

— Нет. Мы, уж как-нибудь без твоей помощи справимся.

— Ты то может, справишься, а остальные как, — он повернулся ко мне: — А?

— «Б», — машинально сказал я.

Теперь мордovorоты двинулись в мою сторону.

— Ты себе помощников по интеллекту выбираешь, а? — засмеялся Семен Михайлович.

В это время из внутренней части склада появился такой же молодой, как я опер и возбужденно протараторил:

— Сергей Иванович, Сергей Иванович.

— Что, Денис?

— Смотрите, что я нашел, — он показал на мешок с порошком, который держал.

— Что это?

— Не знаю, но там этих мешков куча. Они прямо из дыры в стене вываливаются.

Наркотики! Лицо нового русского стало мрачнее тучи.

— Интересно, — улыбнулся Митько, посмотрел на Семена Михайловича и издевательски продолжил: — Отчего, ты, браток, известку в стене держишь?

Хозяин склада зло нахмурился. Победа Митько была бы полной, если бы Денис не сказал:

— Сергей Иванович, а может это не известка, а наркотик?

Смеяться никто не стал — все ждали, что ответит Семен Михайлович.

— Лучше забудь об этом. Не то, быть тебе участковым до конца жизни.

— Я то, может, забуду. А остальные? — он с улыбкой посмотрел на меня. — А?

Я улыбнулся; хозяин склада пробормотал что-то неприличное и вместе с телохранителями скрылся в двери.

— Не уйдет, а, Серега? — спросил Крылов, вытирая перчатки о тряпку.

— Куда он денется?

Митько встал и потянулся.

— Надо позвонить в наркоотдел, пусть дальше сами разбираются. Пошли, Белов.

Я несколько удивился, что Митько позвал меня, но спросить об этом решился только на улице.

— Хочу прочитать тебе небольшую лекцию, — ответил Сергей Иванович.

— Об этикете при разговоре со старшими?

— Нет. Хочу познакомить тебя с нашим криминальным миром. Человека, которого ты видел, зовут Царев Семен Михайлович, он правая рука авторитета Барона, который правит этим городом.

Стыдно сказать, но до этого дня я думал, что городом правит только мэр и его подчиненные.

— Вы с ним знакомы.

— Да мы виделись часто... раньше.

И тут до меня дошло, почему Царев так смеялся: именно его или его сына, Митько так долго не хотел отпускать и поплатился за это.

— Он... — начал я, но осекся.

Митько помолчал, потом быстро, но отчетливо проговорил:

— Да, да! Это из-за него я до конца своих дней буду лейтенантом, и через пару лет буду обращаться к тебе на «вы».

Я раньше думал, что его это не заботит, но сейчас понял, что ему больно видеть, как его догоняют и обгоняют менее опытные опера. Я замолчал и до дома не сказал ни слова.

* * *

Отдохнуть мне сегодня, так и не удалось. Когда я начал обучать Сержанта команде «апорт», зазвучал дверной звонок. Это снова был Митько.

— Извини, Володя, мне опять твоя помощь. У нас убийство на проспекте Октября, а ехать некому.

Я нарочито громко вздохнул и пошел одеваться. Странно все это. Неужто он один бы не справился? Я, конечно, незаменимый работник, но не на столько же...

Митько был на машине: красном жигуленке пятой модели. Устроившись на переднем кресле, я скрестил руки, и спросил:

— Сергей Иванович, вы что-нибудь узнали тогда, в Кулинске?

Митько промолчал, как будто я и не задавал никакого вопроса. Он вел машину, напряженно вцепившись в руль двумя руками. Смотрел он только на дорогу, и за всю дорогу не проронил ни слова. Может, он недавно права получил? Или боится врезаться? Во всяком случае в машине он не был, как рыба в воде.

Повторять вопрос я не стал, так как был уверен, что Митько его прекрасно слышал, но

не хотел отвечать.

Когда мы подъехали к большому, элитному дому, я невольно вытаращил глаза: у подъезда стояли около двадцати машин. На одной из них большими буквами было написано: «СТВ» — Сахаровское телевидение! Телевизионщики, то тут зачем? Неужто какую-нибудь шишку замочили? Кроме этого здесь было с десяток машин из милиции и несколько дорогих иномарок. А Митько говорил, что некому поехать! Здесь, наверное, половина персонала внутренних органов собралась! Митько был удивлен не меньше меня.

Мы поднимались по лестнице, все время нарываясь на людей: некоторые спускались, оживленно разговаривая по мобильному телефону, некоторые стояли кучками и обсуждали события. Я хотел остановиться и послушать, но Митько тут же толкнул меня в спину.

У раскрытой двери стоял сам... прокурор города! Может, мэра пристрелили? Или депутата городской Думы? Зайдя в квартиру я увидел труп. Расстрелянный примерно так же, как и сторож склада, на дорогом паркете лежал мужчина в белой рубашке и черных штанах. На мэра или губернатора он не походил, однако его лицо было мне небезызвестно. Вокруг него суетились эксперты, фотограф и оператор с камерой. При виде трупа Митько стало плохо: его лицо побледнело, взгляд затуманился. Он прошел в другую комнату и поздоровался за руку с мужчиной в черном костюме. Тот презрительно улыбнулся и произнес:

— Чего здесь потерял, Сергей Иванович? Думаешь дело поручат тебе?

— Почему бы и нет?

— Не мечтай, лейтенант. Этим делом будем заниматься мы, следователи прокуратуры. Ну, или, может быть, фээсбэшники.

— Да, понял я. Просто мимо проходил и решил заглянуть к старому знакомому.

Знакомый? Значит, убили еще одного друга Митько?

— Ну и как? — лукаво спросил следователь.

— Даже не знаю, расстраиваться мне или нет, — ответил Митько.

— Я тоже. Ладно, мне работать надо.

Он вышел, а я осмотрел комнату. Она была перевернута верх дном: мебель переломана, люстра висит на одном проводе, ковер скомкан, обои отодраны. Как говорится, «приходил ко мне Сережка, поиграли мы немножко».

— Здорово поработали, — проговорил Митько, подошел к косо висящей копией Моно Лизы и аккуратно снял ее с гвоздя. Затем он начал тщательно осматривать стену за ней.

Что он ищет? Тайник, что ли? Митько тем временем уже закончил и повесил «Джоконду» на место. Затем он достал сигарету и закурил. Я молчал, хотя вопросов у меня накопилось — целая сотня. Он курил и думал, думал и курил целых пять минут. Затем, пожалев меня произнес два слова, которые стали ответом на большинство моих вопросов.

— Это *Барон*.

Я был страшно зол на Митько. Согнал меня из дома только из-за того, чтобы посмотреть на труп крупного криминального авторитета! Расследовать это убийство все равно будут спецслужбы, а мы будем лишь помогать. И из-за этого я потерял целый день драгоценного отдыха!

Однако не только Сергей Иванович привлекали меня к этому происшествию. Вечером, все телеканалы нашего города говорили об одном: убили известного вора в законе по кличке Барон. Мне же на это было наплевать. Одним преступником меньше, одним больше, какая разница?

Однако телевидение было со мной не согласно: 90 % всего эфира новостей были заняты только этим. Одна компания даже не показала концовку детектива, который я смотрел из-за экстренного выпуска. Разозлившись, я выключил телевизор и откинул голову на подушку.

Почему Митько не хочет рассказать о том, что он раскопал в Кулинске. Может, считает, что это его личное дело, или то, что я ничего не пойму? А может, не хочет признавать, что он ничего не смог узнать? Во всяком случае, я имел право знать, что есть нового по моему бывшему делу об убийстве на вокзале. А чем объяснить его странные действия в квартире Барона? Что он скрывает?

Сержант громко тьякнул, призывая к себе внимание. Затем, он подбежал к входной двери и начал лапами царапать его угол.

Гулять хочет. Ладно, ничего не поделаешь, мы в ответе за тех, кого мы избили... то есть приручили.

На улице было тепло. Желтые и красные листья ветром «поднимались» и медленно «кружили над распятым». Деревья «полыхали» яркими цветами своих одеяний и «медленно гасли», осыпаясь на блеклый асфальт.

На скамейке под развесистой ольхой сидела старушенция в дореволюционном платье, с огромными волосами. На ее коленях в корзинке сидела роскошная пушистая кошка и облизывала лапы. Взяв щенка на руки, я быстрым шагом хотел пройти мимо. Не тут то было! Сержант, учуяв вечного врага своих сородичей, кинулся из рук так неожиданно, что я не успел ничего предпринять. Старушка тоже была не готова к атаке, и завидев щенка заголосила:

— Крыса! Крыса!

Кошка была поумнее хозяйки и сразу догадалась кто перед ней. Выгнув спину, она громко зашипела. Сержант в ответ тьякнул.

Старушка, решив, что крысы не лают, заголосила еще громче:

— Псина, псина! Застрелите ее, она съест мою кошку!

Так как кошка была в два раза больше моего щенка, то уж скорее она могла его загрызть. Я решил прийти на помощь.

— Погодите, я его уберу.

— Отойди! — заверещала старушка и, вскинув руки, нечаянно задела свою прическу и та слетела с ее головы, обнажив абсолютно лысую голову. Видимо, во время, свободное от прогулок, бабуся посещала собрания неонацистов.

Сержант тем временем попытался подойти к кошке, однако та не раздумывая, залепила щенку такую пощечину, что он, заскулив, бросился в мои ноги. Схватив его, я побыстрее скрылся из двора. Боясь, что за мной сейчас помчится банда скинхедов во главе со старушкой, я прошел не глядя мимо нескольких домов, пока не оказался у... склада Царева. Рядом с ним был небольшой пустырь, идеальный для собачьих прогулок. Какой-то собачатник даже барьер здесь поставил. Я выпустил Сержанта на землю, и он тут же побежал к тоненькому деревцу. Вдруг, откуда не возьмись, появилась огромная собака и, подбежав к щенку, наклонила голову и... начала обнюхивать. Сержант сжался, я тоже, пожалев, что не взял с собой пистолет.

— Успокойтесь, — раздался сзади величественный голос. — Джек — добрый, он детей любит.

Я обернулся. Собеседнику было лет тридцать пять, одет он был в спортивный костюм.

— Вы — новый? — спросил он. — Я вас раньше здесь не видел.

— Да. Я случайно забрел.

— Хорошее место, не правда ли?

— Да.

Он сел на скамейку и продолжил расспросы:

— Как зовут?

— Меня?

— Щенка.

— Сержантом.

— Почему «Сержантом»? — засмеялся он.

— Потому что, я младший лейтенант.

— В милиции, что ли работаете?

Я кивнул. И тут же у меня возник вопрос, связанный с работой.

— А вы часто здесь гуляете?

— Каждый день.

— И вчера тоже?

— Ну, конечно, как без этого?

— А у этого склада ничего подозрительного не видели?

— Да вроде нет. Здесь всегда спокойно.

— И машин никаких не видели?

— Бывает здесь, через день желтая «шестерка». На ней, вроде сторож приезжает. Ну и иногда, иномарки, разные подъезжали.

— А вчера?

— Вчера тоже «шестерка» была. И еще ГАЗель белая была. На ней, наверное, товар завозили.

— ГАЗель, говорите. А номер не запомнили случайно?

— Какой номер? — он снова засмеялся. — Конечно, нет. Помню, правда, что код региона был не нашим, а Кировским.

— Откуда вы знаете, что Кировским?

— Я туда часто заезжаю. А что, кстати, случилось?

— Убили в этом складе двоих.

— Вчера, что ли?

— Как раз, вчера. Господин э...

— Путилин Владимир Владимирович.

Я прикусил язык. Ни фиги себе, имя! Путилин засмеялся, заметив мою реакцию.

— Господин Путилин, вам придется завтра заехать к нам в отделение, и мы там все оформим.

— Нет, — продолжая улыбаться, он закачал головой, — Я очень занятой человек. Единственно свободное время я посвящаю жене и Джеку.

Я заговорил медленно и отчетливо.

— А вы, Владимир Владимирович, скажите это родственникам тех убитых. Они ведь надеются, что мы тех гадов найдем. Следствие зашло в тупик, вы — единственная зацепка, и не хотите нам помочь. Вы думаете, эту ГАЗель будут искать без ваших показаний? Если так трудно помочь милиции, тогда, пожалуйста, не кричите на каждом углу о том, какая она ужасная.

Путилин был ошарашен.

— Ладно, — сказал он. — Говорите адрес.

* * *

Известие о том, что я раздобыл нового свидетеля, было принято коллегами с радостью. Оказывается, я не врал, когда говорил, что следствие зашло в тупик. Сообщение о приказе задержать белую ГАЗель с кодом Кировской области разослали всем постам ГИБДД. Совков поручил это дело Митько, хотя тот не хотел этого.

— Я ему говорю, что у меня уже есть дело, — жаловался он мне. — А он отвечает, что давно нужно с тем делом кончать. Бери, мол, пример с Фонаренко. А этот Фонаренко с делом Зубова уже целый месяц крутится и ничего не может сделать.

Видеть, как Сергей Иванович жалуется, было большой редкостью. Я то понимал, что ему не хотелось заниматься этим делом, потому что он не хочет помогать Цареву. Вид у Сергея Ивановича был настолько несчастным, что я решил отвлечь его.

— А что там с делом Зубова?

— А тебе зачем это?

— Просто...

— Видишь ли, если преступников, которых я ловлю, отпускают довольно редко, то с Зубовым это случалось почти всегда. Характером он не вышел, любой мог на него надавить. Я несколько его протоколов посмотрел, вроде бы все основания на арест есть, а в итоге всех отпускают. Видимо, пытались взятку всучить, он отказался и его..., — он остановился. — Слушай, Володя, пока у нас с тобой дел нет, давай стоняем к одному моему знакомому. Здесь недалеко.

Я согласился, и уже через десять минут мы стояли у входа в хозяйственный магазин. Митько подошел к прилавку и спросил у продавца:

— Где Кузяев?

— Там, — продавец указал на дверь во внутреннее помещение. — Вам нужно ключ сделать?

Митько промолчал, поднял вверх перегородку и направился в подсобную комнату.

— Эй, вы куда? Посторонним вход запрещен.

— Милиция, — брякнул Сергей Иванович и оттеснил продавца. Я засеменял за ним.

В помещении, куда мы попали, за станком сидел мужчина и аккуратно точил нож. Выглядел он отвратительно, наверняка часто и много пил. Нашего присутствия, он будто бы не заметил.

— Привет, Кузя, — поздоровался Митько.

— Здравствуй, здравствуй, Сергей Иванович.

— Мне нужна твоя помощь.

— Помощь?

— Да. Ты ведь раньше конструировал тайники для разных влиятельных людей?

— Ну и что?

— Хочу проконсультироваться.

— А не многого ли хочешь? Ты мне хоть раз в жизни помог?

— Слушай, падла, ты бы без меня сейчас на нарах сидел бы, петухом. Если ты не будешь мне помогать, я распишу всю твою жизнь на много-много пятнадцать суток, понял?

— Не ори, понял. Чо надо то?

— Барону ты тайник делал?

— Допустим.

— Я хочу знать, как он устроен.

— Ха!

— Никаких «ха»!

— Что мне, свои тайны при всех раскрывать? — Кузя покосился на меня.

Митько подумал и сказал:

— Володя, отойди.

— Но...

— Отойди!

Я развернулся и быстро вышел на улицу.

Играет он со мной, что ли? Всегда берет с собой, но не хочет ничего рассказывать. Я же не телохранитель его, в самом деле! Зачем ему понадобился тайник Барона? Что он хочет там найти? Все это оставалось для меня загадкой.

Митько вышел через пять минут и тут же заявил:

— Сегодня иду в квартиру Барона. Ты со мной?

Я вылупил глаза. Он хочет нарушить закон, влезть в опечатанное помещение и выкрасть что-то? Действительно, чему он меня учит?

— Если не хочешь, можешь не идти. Только тогда никому не говори об этом, хорошо?

— Я с вами, — сказал я.

— Ну и отлично, — улыбнулся Митько.

— Вы мне расскажете, зачем мы туда идем?

— Нет. Пойми, так лучше для тебя. Чем меньше знаешь, тем лучше спишь.

Я кивнул, хотя в душе был очень недоволен.

* * *

Митько достал из кармана продолговатую проволоку, сунул ее в замок и повернул. Раздался щелчок, и дверь приотворилась. Сергей Иванович спрятал отмычку, сорвал бумажку с надписью «опечатано» и сказал:

— Жди здесь.

Я не стал возражать и прикрыл за Митько дверь. Слава Богу, мимо никто не проходил, иначе он бы мог обратить внимание на меня и вся затея пошла бы к черту. Сергей Иванович задерживался, я уже начал волноваться и нервно прислушивался к шорохам в квартире. Когда я уже решил идти за начальником, тот появился сам, пряча в пакет зеленую папку. Митько быстро закрыл дверь, повесил обратно бумажку и сказал:

— Никаких вопросов. Уходим.

Мы вышли, Сергей Иванович внимательно осмотрелся и повел меня в переулок. Мы петляли дворами, меняя скорость, один раз даже зашли в незнакомый подъезд. Когда мы попали на проспект Ленина, напряжение исчезло с лица Митько и он, остановившись, проговорил:

— Извини, Володя, я тебя, конечно, задолбал, но у меня есть еще одна просьба. Я обещал дочке, встретить ее на вокзале, а сейчас оказалось, что не могу: мне надо с этими

бумагами разобраться. Ты не мог бы...

— Мог, мог. Какой поезд.

— Из Москвы. На восемь тридцать. Вагон восьмой.

— А как она выглядит?

— Волосы белые, стройная. Глаза карие, нос прямой. Одна особенная примета — она красивая.

Я усмехнулся. Последнее предложение Митько произнес с гордостью. И я ему поверил. И нельзя было не верить, потому что про Наташу — дочь Сергея Ивановича, тоже ходило много историй. Ей было лет двадцать, она училась в МГУ на журналиста. Пока она жила в Сахарове, ее пытались клеить человек триста, в том числе и пятидесятилетний Крылов. Но она все еще была не замужем и выходила из всех передраг чистой, как стеклышко. В общем то я и согласился-то, чтобы посмотреть на Наташу и познакомиться...

* * *

Вот я снова нахожусь на вокзале. Мимо снова проносятся толпы людей: все торопятся, толкаются, стараясь не опоздать, успеть первыми, уехать от своих забот или наоборот...

Поезд из Москвы подъехал с опозданием на пять минут. Перрон был полон встречающими людьми, которые рассыпались неравномерными кучками, и мирно переговаривались.

Состав, заставил людей притихнуть и зашевелиться: те, кому нужны были первые вагоны, помчались вперед, кому последние — назад. Я остался стоять в середине — вагон Наташи был восьмым.

Поезд остановился.

«Поезд номер... «Москва-Сахаров» прибывает на первый путь, — затрещал динамик. — Нумерация вагонов производится от конца».

По перрону послышались недовольные вскрики и нецензурная брань. Те, кому нужны были первые вагоны, помчались назад, сталкиваясь по пути с теми, кому были нужны последние.

Я привстал на носках и обнаружил восьмой вагон в двадцати метрах слева. Пробившись сквозь толпу, я остановился рядом и начал наблюдать за спрыгивающими на перрон людьми.

Вот, молодой парень, бодро соскользнувший вниз, с двумя сумками в руках. Едва он прошел пару метров, как на шее у него уже висела смуглая брюнетка.

Вот почтенная женщина, которую встречает с цветами целая семья. Измазав всех своей недорогой помадой, она отходит в сторону. А на перрон спрыгивает...

... Она! Какой-то тонкой, неизведанной, но безошибочной интуицией я понял, что это она. Минимум косметики и максимум красоты, добрые, такие же, как у отца, глаза не могли принадлежать кому-нибудь другому на этом перроне.

Она поправила прическу, вскинула на плече сумку и оглянулась в поисках отца. Затем, безнадежно покачала головой и поплелась к вокзалу. Я шел чуть сзади, стараясь не догонять, и не отставать от нее. Мне хотелось еще несколько секунд понаблюдать за ней со стороны.

Наташа явно не торопилась: пройдя внутрь вокзала, она остановилась у игровых автоматов, и минуту вглядывалась в мелькающие на экранах заставки, видимо вспоминая детство.

Потом, она минуты две рассматривала прессу в газетном киоске. Когда я уже собрался подойти, она, наконец, выбрала красочный журнальчик, засунула его себе в сумку и двинулась в сторону запасного выхода, причем с такой скоростью, что мне пришлось за ней бежать.

Выбежав на свежий воздух, я быстро завертел головой: её нигде не было!

Вот же, дурак! Надо было сразу с ней знакомиться — как я теперь в глаза Митько посмотрю?

Сзади послышались быстрые шаги, меня неожиданно схватили и завели руки за спину. Я почувствовал у своей щеки ледящее прикосновение газового баллончика.

— Дернешься, — слышался за спиной отчаянный женский голос. — Прысну тебе в лицо. Понял?

— Понял, — я старался не двигаться.

— А теперь отвечай на вопросы. Почему ты за мной следишь? Что тебе нужно?

— Тебя этому папа научил?

— Причем тут мой отец? Отвечай!

— Я от Сергея Ивановича. Он попросил меня тебя встретить.

— Ты врешь.

— Почему, вру? Я прохожу у него стажировку, удостоверение в правом кармане куртки.

Продолжая держать меня под «прицелом» баллончика, Наташа достала из моего кармана «корочки» и внимательно их рассмотрела.

— Ладно, — сказала она опустив руку с оружием вниз. — А почему ты сразу ко мне не подошел?

— Просто, — замялся я. — Ну что пошли?

— Куда?

— На трамвайную остановку.

— Пошли.

— И часто тебе приходится доставать из сумочки газовый баллончик? — спросил я, когда мы не спеша шли по аллее.

— Не очень. Пристают часто, но в большинстве случаев несерьезно.

— Глаз на слезку у тебя наметанный.

— Да уж, — засмеялась Наташа. — А почему папа не смог меня встретить?

— У него дела важные...

— Важнее меня?

— Ну, нет, наверное. Просто их нельзя отложить.

— Он здоров?

— Да, — уверенно ответил я. — А ты на каком курсе учишься?

— На третьем, — ответила она и отвела голову в сторону.

Ничего лучше, этой пустоголовой беседы у нас не получалось.

— Вон мой трамвай подъезжает, — сказала Наташа, и мы припустили бегом.

— Тебе по пути? — спросила она.

— Нет.

— Тогда я дальше одна поеду, — она легко запрыгнула на ступень трамвая и помахала мне на прощание.

Я помахал в ответ, глупо улыбаясь.

А ведь мне было по пути...

Шутов выглядел ужасно усталым. Красные опухшие глаза, руки, неуклюже держащие сигарету, и обвисшие щеки говорили о том, что Лев Николаевич вчера либо мало спал, либо много выпил.

— Привет, Владимир, — вяло сказал он и взялся за голову. Рядом с ним у стола сидел мужчина в черной куртке с наручниками на запястьях.

— Здравствуйте. Меня прислал Сергей Иванович за бумагами, — произнес я.

— Ах, да, — он достал из стола папку и добавил: — Посиди здесь, я сейчас закончу.

Он начал что-то писать, зевая каждые полминуты. Потом посмотрел на часы и застонал:

— Черт! Опаздываю! — Шутов посмотрел на меня и сказал: — Ко мне сейчас придут этого голубчика опознавать, а я еще подставных и понятых. Владимир, помоги, будь другом.

Я кивнул и нехотя поплелся на улицу. Кто сейчас захочет тратить свое драгоценное время на то, чтобы сидеть неизвестное количество времени в милиции. Тем более, когда об этом просит молодой работник.

Я огляделся. Ага, вот двое стоят у джипа и курят. Как раз подходят по возрасту. Я направился к ним и спросил:

— Ребята, не хотите ли побыть понятными?

— Чего? — надвинулся на меня мужик с лицом кабана. — Витек, ты чего-нибудь понял?

— Он, похоже, хочет нас в милицию забрать, — ответил Витек.

— Иди отсюда, придурок, пока не получил, — грозно сказал Кабан.

— Не хотите, как хотите, — я отошел в сторону. Вот же свиньи! К ним по вежливому, а они, козлы, сразу посылают. И чего они вообще здесь делают? Может, у них в джипе оружие или наркотики или что покруче. Проверять свою догадку я не стал, кое-как нашел двух понятых и двух подставных лиц, и вернулся в отделение.

Шутов, встречавший меня в коридоре уже не выглядел таким уставшим, наоборот, глаза его возбужденно горели.

— Спасибо, Володя. Угадай, что случилось?

— Фонаренко застрелили?

— Нет. ГАЗель нашли. Ну, ту самую.

Напоминать мне о ГАЗели не надо было, я помнил о ней всегда.

— Поймали одного человека. Он оказал сопротивление, поэтому засадить его сможем, а уж там вы с Митько чего-нибудь раскопаете, чтобы доказать.

Я согласно кивнул, и пошел искать Митько.

Сергей Иванович выглядел еще возбужденней, чем Шутов. Он постоянно улыбался и приговаривал, что скоро все закончится. Спрашивать о том, что закончится, я не стал, потому что мне надоело слушать в ответ лекции о вреде лишних знаний и пользе собственных мозгов.

— Жалко, что он один. Его подельнички наверняка уже где-нибудь далеко, — сказал я.

— Ты не понимаешь, — проговорил Митько, быстро перебирая бумаги. — Здесь действовала не просто какая-нибудь банда, которую создали три собутыльника, склад грабили члены крупной группировки, возможно, иногородней.

— Почему вы так решили?

— Ты не понимаешь? Думаешь, я зря рассказывал тебе о нашем преступном мире? Ведь из склада ничего не взяли: они просто убили людей и порушили все вокруг! Все еще не понимаешь?

— Нет, — честно признался я.

— Они знали, что на складе есть наркотик, — Сергей Иванович понизил голос. — Но он им был не нужен. Им нужно было сделать так, чтобы Царев сел в тюрьму, и у них это получилось.

— Но зачем?

— Да хотя бы из-за простейшего шантажа. Если Барон не даст определенным лицам денег, то вдруг неожиданно раскроются все его преступные тайны. Для нашей подкупной милиции это может и не будет большим открытием, а вот для журналистов и народа, который избирает его в депутаты, это будет неожиданным откровением. И на такое способны только хорошо освещенные люди, а не собутыльники.

Дверь открылась, молодой сержант ввел в кабинет мужчину, тридцати пяти лет, на лице которого не исчезала ухмылка.

— Садитесь, — Сергей Иванович предложил ему стул, потом зашел за спину и начал вышагивать из края в край. Мужчине было лень поворачиваться, но действия Митько его бесили.

— Ну! — не выдержал он.

— Фамилия, имя, отчество, — медленно сказал Митько.

— Варламов Руслан Венерович.

Я начал быстро писать в протоколе.

— Дата и место рождения.

— Седьмое сентября шестьдесят восьмого года. Киров.

— Место жительства.

— Город Кулинск, улица...

Я выронил ручку.

Господи, Кулинск! Если Сергей Иванович прав, и здесь действовала группировка, то она, возможно, связана с теми убийствами, из-за которых я сидел в КПЗ. Сестра Короткова писала, что ее сын связывался с Кировскими бандитами, может быть, он и есть представитель этой самой группировки?

Митько тем временем задал последний формальный вопрос, и начал нудно объяснять права преступника.

— Вы можете давать объяснения и показания по поводу подозрения вас в разбое, либо отказаться от дачи показаний. Вы можете...

Варламову было наплевать на его права, но Митько, похоже, не только выполнял свой долг, но и давил на психику преступника, чтобы он не смог играть по своим правилам, которые он выдумал, может быть, совсем недавно, по дороге сюда.

Митько заставил Варламова и меня расписаться и начал:

— Где вы были двадцатого числа в десять часов?

— Не помню.

— А если попробовать вспомнить?

Варламов напрягся, и было похоже, что он сейчас не вспоминает, а придумывает.

— Ужинал в ресторане.

— В Сахарове?

— Да.

— В каком ресторане?

Он вновь задумался.

— «Океан».

Такой ресторан действительно был в нашем городе, и его реклама висела чуть ли не на каждом столбе.

— Кто был с вами?

— Никто.

— По какому поводу вы приехали в наш город?

— По делам фирмы.

— А поподробнее?

— ... Искал здесь возможных клиентов.

— Белая ГАЗель с номером... — ваша машина?

— Да.

— Нужно ли было ехать за информацией на такой грузовой машине?

— Другой не было.

— Почему вы оказали сопротивление при аресте?

— Думал, что вы бандиты.

— Вам, что кто-нибудь угрожал?

— Нет.

— А по форме гаишника, вы не догадались, кто перед вами?

— А кто вас сегодня разберет?

Митько перестал шагать и сказал:

— Володя, положи ручку.

Я послушался.

— А теперь, господин Варламов, поговорим по-другому. У вас есть альтернатива. Либо вы признаетесь в ограблении склада, либо я звоню кое-кому, и все рассказываю.

— Дурацкая у вас альтернатива, — ухмыльнулся преступник. — У вас же стукачей полон двор. Протокол посмотрят, и через минуту все бандиты уже будут знать, что я натворил.

— Но есть одно «но», — Митько оперся на спинку стула на котором сидел Варламов и тихо добавил: — Они не узнают, кто убил Барона!

Ухмылка Руслана Венеровича мигом исчезла, он облизнул губы и нервно закачал головой.

— Не докажете.

— А им что, нужно доказывать? Я просто кое-кому из своих коллег ненароком об этом скажу, и всё!

Варламов замолчал; затем произнес:

— Ладно. Я все расскажу.

— Вот и отлично, — улыбнулся Митько. — Володя, дай ему ручку и бумагу.

Варламов начал писать, часто останавливаясь, и ковыряясь кончиком ручки в зубах.

— Я только никого сдавать не буду. Так и знайте.

— благородно. Только на суде, боюсь, это не учтется.

Варламов закончил писать, расписался и встал, а, когда пришел сержант, сказал:

— Вы только не думайте, что победили. Череп — человек добрый, но ментов не любит.

Так что, готовьтесь к мучительной смерти.

Он ушел; Митько потянулся и произнес:

— Череп, череп... А что тогда говорила Молодая, а? Ну, когда прощалась с Коротковым?

Я напрягся.

— Кажется, она говорила о том, что поедет в Череповец.

— Череповец, — повторил Митько. — Череп-овец. Понимаешь? Коротков знал эту кличку, он боялся ее. Поэтому и побледнел, когда услышал всего лишь слово, содержащее это имя.

Я с восхищением посмотрел на Сергея Ивановича. Честно говоря, я уже забыл про то убийство, а он смог не только найти убийцу, но и заставить его признаться.

Улыбка Митько стала страшноватой; неожиданно он через силу выдавил:

— Суки!

* * *

Я резко обернулся. Поток людей, спешивших по своим делам не вызывал подозрения, но я все же, внимательно осмотрелся и, ничего не заметив, пошел дальше. Последние слова Варламова о долгой и мучительной смерти, наверняка, были произнесены для пушного устрашения, но меня они все-таки заделали. Узнать некоего Черепа я бы все равно не смог, но бдительность еще никому не мешала, и поэтому я был очень осторожен.

Меня послали на задание пойти «как в старой сказке» (**Король и Шут**) «туда, не знаю куда, и найти то, не знаю что». Вообще то я примерно знал, куда идти: на перекресток между улицами Фрунзе и Полярников. А что там мне предстояло увидеть, я не знал.

Сообщение поступило от бдительного старичка, который увидел, что пьяный человек лежит на дороге, а водители автомобилей еле-еле его объезжают. Может, его уже переехали во время того, как старик звонил нам, а может, еще нет.

Я приблизился к указанному месту и тут же заметил того самого старичка, который с трудом тащил здорового мужика к обочине. Рядом стояли три тетki и с жаром обсуждали последние события. Старик втащил голову мужика на обочину, и перевел дух. В это время на светофоре зажегся зеленый свет и ряд машин тронулась с места. Возглавляющая гонку, «волга» ехала прямо на ноги мужика, и поворачивать, похоже, не собиралась.

И тут в дело вступил я. Выбежав на дорогу, я рискуя жизнью, преградил путь машине... Ну... если точнее... выставил на дорогу руку.

Однако и это подействовало! Водитель машины, резко крутанул руль, и «волга» влетела на бордюр тротуара в каком то метре от меня. Из нее тут же вылетел долговязый мужчина с перстнем на руке и заорал:

— Ты! Дебил! Чего делаешь, идиот! Я тебя порву, сволочь!

— Успокойся, — сказал я, доставая из кармана удостоверение. — «Корочки» видишь? А вот этого человека, которого ты чуть не переехал, тоже видишь? Значит так, я считаю до пяти, а потом завожу дело по факту попытки убийства. Понял?

Он переваривал эту мысль недолго. Послав меня на прощание, сел в «волгу» и, выехав с тротуара, аккуратно объехал препятствие.

Я повернулся к старичку и сказал:

— Давайте, его вынесем до конца.

— Вы из милиции?

— Как видите.

Ухватившись покрепче, мы полностью выволокли тело на тротуар. Я приложил руку к шее мужчины. Пульс прощупывался.

— Вы в «скорую» звонили? — спросил я.

— Да, сразу после вас. Он жив?

— Да. Вы видели, как он оказался на дороге?

— Нет.

— Да, напился же он, разве не понятно? — вступила в разговор одна из теток. — За километр несет.

— В вырезатель его надо, — подхватила другая.

— Действительно, — охотно согласился я и вдруг заметил, что мужчина зашевелился.

Я наклонился к нему. От молодого, усталого, покрытого светлой щетиной, лица, действительно тянуло алкоголем.

— погоди, пацан, — прошептал он. — В грудном кармане посмотри.

Я послушно полез в карман куртки.

— Смотри, смотри, — послышался позади громкий шепот. — Обворовывает!

В грудном кармане я нашел красное удостоверение, в котором было написано, что это Леденцов Алексей, лейтенант милиции, работающий в десятом отделении уголовного розыска.

— Понял? — прошептал лейтенант.

— Так точно, товарищ лейтенант. Я все понял. Вы ведь проверяли, смотрят ли наши водители на дорогу во время езды, не так ли?

Лейтенант что-то пробормотал и вновь заснул. В это время подъехала «Скорая помощь», оттуда выбежала женщина в белом халате.

— Что у вас случилось? — вяло спросила она.

— Вот, — я указал на тело.

— Он же пьяный! — возмутилась врачиха. — Его надо в милицию отвезти.

— Нельзя его туда, — возразил я. — Он сам милиционер.

— Ну и что? Мы же не будем его везти в больницу только из-за того, что он напился.

— Он не только пьян. У него шишка, посмотрите.

— Да лучше бы его задавили! — воскликнула тетка. — Зря только людей от работы отвлекают.

— А вы почему здесь стоите? — не выдержал я. — Вам что, делать нечего больше? Может, вам напомнить, какое наказание дается за оскорбление человека и оставление его в опасности.

— Хам! — сказала тетка и добавила своим собеседницам: — Пойдемте, девочки.

Я повернулся к врачихе и сказал:

— Пожалуйста, отвезите его в больницу, а когда он оклемается, отпустите, хорошо?

— Ну, ладно, — согласилась докторша и, вместе с другим врачом, погрузила Леденцова на носилки.

Я с чувством выполненного долга двинулся в сторону отделения, когда вдруг... заметил ИХ. Витек и Кабан на своем джипе находились на другой стороне дороги и глядели прямо на меня. Может, совпадение? Но наш город не такой уж и маленький, чтобы в течении

нескольких дней встретить одних и тех же незнакомых людей.

Успокоившись, я двинулся по улице и через сто метров зашел в двери магазина женского белья. Народу здесь было немного, и я, для вида присмотревшись к витринам, осторожно взглянул через окно на улицу.

Нет! Я не ошибался! Они действительно за мной следили!

* * *

Вернувшись в отделение, я собирался рассказать о своих опасениях Митько, но решил не расстраивать его, заметив, как он счастлив. Да, я еще никогда не видел его таким беззаботным. Он постоянно шутил, смеялся, забыв о мрачной работе. После часа общения с ним мне стало казаться, что все мои опасения — полный бред: никто за мной не следит, и никому я не нужен.

Я взялся за протокол и забыл про все, когда вдруг нагрянул Фонаренко.

— Привет, Митько, — величественно сказал он. — Ты сделал, что я велел?

— Да, да, Фонаренко, — ответил Митько, и я заметил, что он помрачнел.

Сергей Иванович протянул бумагу майору, тот принял ее и добавил:

— Кстати, Совков просил тебя перестать заниматься ерундой, иначе не видать тебе премии в этом месяце, как звания старлея.

Митько приподнялся. Лицо его оставалось невозмутимым, но в глазах появился злой огонь. Я ждал, что он сейчас разразится ругательствами, но он вместо этого схватил... нож.

Я испуганно вытаращил глаза и приготовился в случае чего спасти Сергея Ивановича от привлечения по статье сто пятой. Однако Митько не собирался портить свою жизнь из-за Фонаренко. Взяв нож, он провел его острием по поверхности стекла, которое прижимало некоторые бумаги на его столе. Раздался скрип, от которого у меня побежали мурашки по коже. Я взглянул на Фонаренко — тот прямо съежился от недовольства. Причем теперь я понимал, что ему до смерти это не нравилось, это была его Ахиллесова пята. Недолго думая, я схватил ножницы и повторил маневр Митько.

Теперь Ильдар Григорьевич, как говорится, совсем «скукожился».

— Хватит! — закричал он. — Перестать!

Митько его не слушал и закончил только тогда, когда захотел.

Фонаренко выпрямился и дрожащим голосом проговорил:

— Ты, Митько, пожалеешь об этом. Думаешь, что все для тебя останется безнаказанным? — он повернулся ко мне. — А ты, ... пацан, молись, чтобы тебе достался хотя бы пост участкового в деревне.

С этими словами он вылетел из кабинета, громко хлопнув дверью.

Митько медленно сел. Улыбка больше не появлялась на его лице.

— Зачем ты это сделал? — медленно спросил он. — Мне то, действительно, все будет нипочем, а тебе...

— Козел! — сказал он с новой интонацией, и я понадеялся, что это не обо мне. — Дело Зубова не сошло с места, с самого начального положения. Мне через день звонит его жена, спрашивает, нашли ли мы... Посмотри! — он протянул мне бумагу. — Разве не понятно, что его убил кто-то, кого он не захотел отпускать.

Я быстро просмотрел протокол, написанный рукой покойного Зубова. Действительно,

здесь есть все для предъявления обвинения: и показания свидетелей, и постановление эксперта, и многое другое.

— В итоге преступника отпустили. Из-за отсутствия состава преступления, — сказал Митько. — Прокурор постарался, наверное.

— А у Зубова была машина?

— Да, «Мерседес». Мы недавно ее обмывали.

— А недостатка в деньгах у него не было?

— Не было... погоди, на что ты намекаешь?... Ты что, хочешь сказать, что Зубов сам помогал преступникам? Переписывал протоколы и отпускал их?!

В это время я пожалел, что заговорил об этом. Митько гневался, но вдруг успокоился. Посмотрел вперед безумными глазами, тихо что-то бормоча себе под нос.

— Ладно, сейчас мне пора идти. Обсудим это попозже, — он встал, и вышел из кабинета.

Я просидел без движения несколько секунд, затем медленно подошел к окну.

Митько сел в свой «жигуленок». Я подождал, пока он отъедет и внимательно осмотрел улицу.

Сердце в моей груди подпрыгнуло. Витек и Кабан спешно сели в свой джип. Все-таки «за нами следят»! Выскочив из кабинета я помчался вниз. Пробежал мимо дежурного, вылетел на улицу... Джип отъезжал, а жигуленка уже не было видно. Что делать?!

Подбежав к ближайшей машине, я сделал страшные глаза, показал водителю удостоверение и проговорил на одном дыхании:

— Быстро за тем джипом.

Если бы водитель упирался, я бы без раздумий достал свой пистолет, но делать этого мне не пришлось: шофер посадил меня и послушно выехал на дорогу.

Джип ехал быстро, но наша машина постоянно удерживалась за ним. Я не боялся, что Витек с Кабаном заметят слежку, ведь они были заняты в этот момент тем же самым.

— Долго нам еще ехать? — наконец, не выдержал водитель.

— Не знаю, — отозвался я.

И тут же мы потеряли их! Они успели проехать на зеленый свет на перекрестке, а красный зажегся прямо у нас перед носом.

— Черт! — ругнулся я, провожая джип взглядом.

Казалось, что красный свет длился целую вечность. Когда мы, наконец, повернули вслед за джипом, того уже не было заметно.

— Останавливайтесь на каждом перекрестке, — приказал я. — И, пожалуйста, побыстрее.

Все было бесполезно. Джип успел сделать уже много поворотов, и искать теперь его было безнадежно.

— Все! Потеряли, — сказал водитель.

Я с горечью признал, что он прав. Теперь остается надеяться, что Витек ничего не собирается делать Митько, или что тот мог заметить за собой слежку.

— До конца улицы доедем, — сказал я, заметив вдалеке красную машину.

Это была «пятерка» Митько!

— Спасибо, — крикнул я, выбегая из машины.

Джипа рядом не было, значит, они тоже не умеют следить. Я огляделся вокруг в поисках Митько, а потом направился в подъезд жилого дома у которого стояла его машина.

Войдя в дверь, я неожиданно полетел на пол, наткнувшись на какое-то препятствие. Осмотревшись, я понял, что это человек, лежащий поперек дороги.

— У, пьяница, — пробормотал я, отрывая руки от земли.

Они были в КРОВИ! «Нет, это не Митько» — подумал я, и тут же взглянул в лицо лежащего. ЭТО БЫЛ ОН!

Обезумевший ужас сковал мои руки, заставил лицо содрогнуться, остановил биение моего сердца. Я упал на колени, прикоснулся к его руке. Слабый пульс дал ничтожную надежду на спасение. Вскочив, я подбежал к первой попавшейся двери и забарабанил в нее, пачкая кровью, затем в другую, следующую...

— Врача! Быстрее! Пожалуйста, помогите! Человек умирает!

Они не открывали! Боялись чего-то необыденного, не хотели отрывать себя от обычной, размеренной жизни. Притворялись, что их нет, чтобы потом, через час прийти к соседу и спросить в чем дело. Жили только для себя и для родных, эгоисты чертовы!

— Звоните 03! — крикнул я, надеясь, что хотя бы это не окажется трудной задачей.

Дверь открылась, я увидел человека в майке.

— Чего орешь? — спросил он.

— Телефон есть?

— Есть.

— Позвоните в «скорую». Человек в подъезде умирает, — я старался говорить спокойнее, хотя был готов сам любыми способами продраться к телефону.

— Где? — мужик высунулся с порога.

— ЗВОНИ! — заорал я, что было мочи.

Он испугался и скрылся в квартире.

Я вернулся к Митько и не смог найти в себе силы еще раз проверить его пульс. Просто сидел, и не знал, что делать. Останавливать кровотечение было бесполезно — ран было очень много.

Скорая подъехала через сто лет. Меня тут же оттащили в сторону, сунули в нос ватку с нашатырным спиртом, который тут же ударил по мозгам. Я сел на ступеньку и просто прислушивался к тому, что говорят врачи.

— Милицию и труповозку, — сказал врач.

Последнее его слово плавно превратилось в острый кинжал и вонзилось мне прямо в грудь. Истекая кровью, я упал без чувств.

Глава седьмая

Мои шаги гулко отдавались по всему подъезду. Не торопясь, я добрался до своего этажа и повернулся к двери.

У нее кто-то сидел! Я сунул руку в карман, доставая из него пистолет, но быстро успокоился, узнав в сидящем Наташу.

Она сидела на корточках, держась за лицо руками. Заметив меня, она приподнялась и бросилась на грудь. Она рыдала, неистово всхлипывая, уткнувшись в мою куртку. Я мягко обнял ее и потянул к двери квартиры.

Войдя внутрь, она кинулась на диван и просто плакала, ничего не говоря. Это было невероятно страшно — видеть человека, который пришел к тебе, не для беседы, не для дела, а просто, чтобы вылить свои чувства. Страшно видеть человека в его новом облики, которое коренным образом отличается от всех предыдущих.

Я глупо постоял рядом, затем ушел на кухню готовить кофе. Сержант не понимал моей грусти, не понимал, почему с ним никто не играет, и пытался привлечь к себе внимание громким лаяньем.

— Тихо, Сержант, — остановил его я, насыпая кофе в кофеварку.

На душе было чернее, чем ночью и до нельзя паршиво. Я не мог представить себе, что Сергея Ивановича больше нет, просто не мог поверить в это. Сердце сжималось при каждом воспоминании его лица, его улыбки.

Что бы было, если бы я рассказал ему про слезку? Может, не лежал бы он сейчас в морге, под белой простыней...

Это все Варламов постарался, сволочь. Сдержал слово.

Кофе перелилось через край, залил пеной всю плиту. Я выключил газ и, налив кофе в кружку, пошел в комнату.

Наташа уже успокоилась и сидела на стуле. Я протянул ей кофе, она, не притронувшись, поставила чашку на столик.

— Извини, Вова, что я к тебе так... — сказала она.

— Ничего, ничего.

— Ты знаешь... кто его?... — она не смогла договорить.

Опустив глаза, я помотал головой.

— Я знала, что что-то случится. В тот день он со мной попрощался как-то необычно. Он знал, да?

— Нет. Вряд ли.

— Может, виновен тот, чье дело он вел?

— Может быть.

— Я боюсь, Вова, — она всхлипнула.

— Не бойся, они тебя не тронут. Ты ведь ничего не знаешь.

— Да, но если бы я вернулась чуть пораньше, они могли бы меня убить.

Я встрепенулся.

— Не понял. Ты о чем?

— Ах, да. Я же тебе не сказала. Я пошла в аптеку, за успокоительным. Простояла долг в очереди, а когда вернулась... — она еле сдерживала слезы. — Все в квартире было перерыто. Мебель передвинута, одежда выкинута из шкафов.

- Что же ты молчала? Тогда твоя жизнь действительно под угрозой, — я быстро размышлял. — Слушай. У тебя есть подруги в другом городе?
- В Москве.
- Нет, где-нибудь в нашей области.
- Нет.
- А родственники.
- Тетя в Уранске живет.
- Отлично. Ты сейчас закажешь по телефону билет в Уранск, лучше на сегодняшнее число, и пробудешь там, пока все не уляжется.
- погоди, Володя, а похороны? Я же не могу их пропустить.
- Черт, — тихо пробормотал я. — Тебя нельзя оставлять одной ни на минуту. А в Сахарове у тебя есть друзья?
- Школьные есть.
- Сейчас поедem к ним. Ты должна быть предельно осторожна, никогда не гуляй одна. Ты, кстати, не видела где-нибудь возле себя черный джип?
- Черный? — переспросила Наташа. — Да вроде у нашего дома сегодня стоял. А что?
- Если еще раз увидишь эту машину — убегай. Можешь звать милицию или просто пристать к кому-нибудь, чтобы... убить тебя было максимально сложно.
- Это они? Они да? — Наташа подняла глаза.
- Да, скорее всего. Ты обещаешь, что будешь осторожна?
- Обещаю, — сказала Наташа.
- Хорошо, — я протянул ей телефон. — Давай, звони своим друзьям.

* * *

Совков раздраженно снял пиджак и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. На столе, рядом с ним, стоял пузырек с «Корвалолом».

— Этот месяц, — севшим голосом, начал он. — Стал для нас самым трагичным. Мы потеряли двух своих лучших оперов: старшего лейтенанта Зубова и лейтенанта Митько, Сергея Ивановича. Их потеря глубоко поразила нас. Они были убиты зверски, людьми, для которых нет ничего святого. К сожалению, мы не смогли узнать убийц Зубова, но теперь мы обязаны это сделать. Я уже написал рапорт начальству, чтобы нам перевели двух оперов из других отделов. Вместе с ними, мы должны будем найти и по достоинству наказать убийц наших друзей. Я разрешаю вам отложить на время свои дела и заняться только этим. Мы должны доказать, что мы умеем работать. Все. Все свободны.

Весь наш отдел встал на ноги и направился к выходу. Однако я не спешил уходить.

Совков недоуменно посмотрел на меня и сказал:

- Все свободны, Белов. Можешь идти.
- Я знаю, кто убил Сергея Ивановича, — начал я.
- Хорошо. Расскажешь это Ильдару Григорьевичу.
- Но он, возможно, не захочет меня слушать. Или... не будет предпринимать никаких мер.
- С чего ты взял?
- Он, возможно, стукач.

Совков вскинул брови.

— Ты здесь всего месяц, мальчик. Откуда тебе знать, кто стукач, а кто нет?

— Но...

— Перестань играть в Джеймса Бонда. Милиция — это не американский боевик. Здесь нету только отрицательных и только положительных героев, нет клоунов и понимающих, добрых начальников. Это жизнь! И человека нельзя обвинять только по внешнему виду, и по тому, как он относится к тебе. Фонаренко — хороший опер. Иди к нему.

— Но...

— Иди!

Он замахал руками и схватился за корвалол. Я поспешно вышел и направился к Шутову. Если уж и кому рассказывать, то только ему.

Лев Николаевич был не в духе, однако смог меня выслушать. После того, как я закончил, он спросил:

— Номер джипа запомнил?

— Нет.

— Зря. Сейчас бы мы их мигом нашли, а так...

— Я, возможно, знаю, где они могут находиться.

— Где?

— Они могут следить за дочерью Митько, Наташей.

— А где она?

— У подруги.

— И что ты предлагаешь?

— Не знаю.

Шутов нахмурился и посмотрел в потолок.

— Ладно, — сказал он после некоторых раздумий. — Сейчас ты составишь фотороботы этого Витька и друга его. Потом мы позвоним в ГИБДД и скажем, чтобы они задерживали все черные джипы... Ты модель знаешь?

Я снова обреченно покачал головой.

— Ладно, все черные джипы. А потом ты их опознаешь, хорошо?

— Да, — мне не понравился тон Шутова, он, наверное, думал, что я каким-то образом виновен в смерти Митько, хотя я и сам считал точно так же.

* * *

Открывая свою дверь, я слышал, что там, внутри надрывается телефон. Влетев внутрь, я снял трубку.

— Владимир Белов? — этот голос был мне не знаком.

— Да, — сказал я.

— Это ваш друг. Мы должны встретиться.

— Кто вы?

— Я же сказал, ваш друг.

— У меня нет друзей.

— В таком случае, я тот человек, который не сможет причинить вам вреда, и очень вам нужен.

— Зачем нам встречаться?

— Это не телефонный разговор.

— Хорошо. Подходите к отделению, где я работаю...

— Нет, — остановил меня незнакомец. — Давайте встретимся на мосту в восемь, вы согласны?

— Да, — согласился я, после некоторого молчания.

— До свидания, — на том конце положили трубку.

Почему я согласился? Ведь это подстава! Я приду на встречу, а там меня будут встречать дружки Черепа. Хотя можно и мне сыграть на этом. Сообщу эту новость Шутову, и он устроит на мосту засаду. Я встал и подошел к двери, но вдруг она раскрылась без моей помощи, и в кабинете появился Фонаренко с Гавриковым позади.

— Ты куда то уходишь? — спросил Ильдар Григорьевич.

— Да, — ответил я, пятясь назад.

— Придется тебе отложить свои дела ненадолго, — улыбнулся Фонаренко. — Как нам стало известно, ты нашел первым тело Митько.

— Ну.

— Что «ну»? Сейчас мы тебя допросим, как свидетеля...

— Или обвиняемого, — подхватил Филя.

Что? Они думают, что это я убил Сергея Ивановича? Интересно, с чего Совков взял, что Фонаренко — хороший опер?

— Садись, — сказал Фонаренко, и я повиновался. — Ну давай, Филипп, покажи все свое мастерство допроса. Задавай вопросы, а я буду записывать.

Что? Этот «гаврик» будет меня допрашивать? Значит, вот как Фонаренко решил мне отплатить.

— Хорошо, — Филя с важным видом прошелся взад вперед. — Расскажи нам, что случилось перед смертью «Митька». — Он сделал ударение на последнем слог.

— Я не знаю никакого «Митька», — ответил я.

— Не придуряйся, — произнес Фонаренко. — Он имел в виду Сергея Митько.

Я вкратце, без лишних подробностей, рассказал о том, что случилось в тот страшный вечер.

— Значит, ты погнался за ними, — Филя сощурил глаза.

— А что, это неправдоподобно?

— Отвечай по существу! — рявкнул Фонаренко.

— А тот водитель сможет подтвердить то, что ты сказал? — продолжил допрос Филя.

— Да.

— А где он сейчас?

— Не знаю.

— Перед подъездом, в котором убили Митько, ты видел тот джип?

— Нет.

Гавриков застыл, не зная, что еще задать. На помощь ему пришел Ильдар Григорьевич.

— Опиши, как выглядели те двое в джипе.

— Классно выглядели! — я поднял вверх большой палец.

— Такое ощущение, что ты не хочешь, чтобы мы раскрыли это убийство, — стиснул зубы Фонаренко.

— Кому надо, я уже все рассказал.

— Это кому же?

— Льву Николаевичу.

— Толстому что ли? — хмыкнул Филя.

— Нет, Шутову.

— Шутову? — Фонаренко притворно рассмеялся. — Ты что, думаешь ему поручат вести это дело?

— А почему нет. Если дело официально поручат вам, то я вам все расскажу очень подробно.

— Ты и так мне все расскажешь. Опиши нам лица тех двоих.

— Короче, оба лысые, — я зажестичулировал. — Оба уроды, и оба сильно похожи на Гаврикова.

Фонаренко с силой ударил по столу, так что Филя испуганно вздрогнул.

— Я тебя на пятнадцать суток усажу в КПЗ, к самым буйным. А ты знаешь, что там делают с милиционерами?

— А что там делают? — поинтересовался Филя.

Интересный разговор прервал дежурный, который вошел в дверь и протянул мне незапечатанный конверт.

— От кого? — спросил я.

— Не знаю, он не представился.

Я положил конверт на стол, рядом с собой и начал отвечать на молниеносные вопросы Фонаренко. Пока я придумывал, как бы мне избежать прямых ответов, Гавриков незаметно подтянул к себе мой конверт. Заметил я его действия только тогда, когда он развернул находящийся внутри листок.

Одним движением, я сильно ударил его по руке, а вторым, выхватил листок с конвертом.

Воцарилась тишина.

Фонаренко смотрел на меня, как будто я был червяком, которого нельзя было убивать, но очень хотелось.

— Статья 164-я, — сказал я. — Хищение предметов, имеющих особую ценность.

— Статья 105-я, — произнес Фонаренко, не отрывая от меня глаз. — Намеренное убийство.

— Статья 122-я. Заражение ВИЧ-инфекцией, — я улыбнулся. — Еще поиграем?

— Ты понял о чем я сказал. Это ты убил Митько, и я это докажу. Из города никуда не выезжай.

— Ильдар Григорьевич, — заголосил Филя. — У него там написано, что...

— Потом, Филипп. Ты мне все расскажешь, пойдём.

Они вышли из кабинета.

Я мигом развернул листок. «Дорогой Владимир, вам пишет тот, кто звонил вам сегодня и назначал встречу. Возможно, ваш телефон на прослушке, поэтому я меняю место встречи: на улице Софьи Ковалевской, у математической школы. Время такое же. Если вас интересует, кто я, то могу сказать вам одно — я друг Сергея Ивановича. До встречи».

Я сглотнул. Это друг Митько! Нет, говорить Шутову я не буду, нужно идти самому!

Когда мои часы показали десять минут восьмого, я сложил все бумаги в папку, выключил свет и покинул кабинет, который я еще совсем недавно делил с Сергеем Ивановичем.

На улице было сыро, вокруг бушевал северный ветер, сметая с места увядшие листья. Осеннее солнце уже опустилось к горизонту, на улице зажглись фонари, проезжающие машины замигали фарами.

Математическая школа имени Софьи Ковалевской располагалась в Южном районе города. Добраться туда можно было на трамвае, но время не ждало, поэтому я напрямик направился к ближайшей станции метро.

Поминутно озираясь, я не заметил за собой ни джипа, ни еще каких-нибудь подозрительных машин. Похоже, их интересовал только Митько.

Спустившись в подземелье, я купил билет, и спустился по эскалатору к поездам. Огромные электронные часы показывали половину восьмого.

Разглядывая красивые колонны станции, я все-таки заметил за собой слежку, и едва удержался от улыбки, потому что следил за мной Гавриков Филипп, собственной персоной.

Значит, он все-таки успел что-то прочитать, рассказал об этом Фонаренко, а тот приказал за мной последить. Ну что ж, посмотрим какой из Филя следопыт.

Он стоял на другом конце станции, боком ко мне. Конечно, не заметить его было сложно, и не известно, на что он рассчитывал с таким «талантом».

Раскрывать его намерения я не собирался, мне нужно было уйти от него, причем уйти так, чтобы он ничего не заподозрил.

Наконец, подошел поезд. Я зашел в вагон, остановился у самого двери и краем глаза поискал Гаврикова. Тот зашел в этот же вагон, но с другого входа и сел на скамейку. Не оборачиваясь к нему, я проехал несколько остановок. Филя поворачивался ко мне перед каждой станцией и следил за моей реакцией. Я решил на этом сыграть. Когда поезд подъехал к нужной остановке, и двери с шипением раскрылись, я не тронулся с места. Филя заметил это и снова отвернулся.

— Осторожно, двери закрываются, — прозвучал металлический голос.

Прождав еще секунду, я пулей выскочил из вагона. Через мгновение поезд тронулся; через стекло я увидел, как Гавриков дернулся, метнулся к окну. Мы встретились глазами, я не удержался и, улыбнувшись, показал ему очень красноречивый жест, который считается неприличным, но в данной ситуации был очень точен.

* * *

Не знаю, почему, но я сразу понял, что это он. Просто он был очень похож на Митько: был спокоен, строго одет и неправдоподобно серьезен.

Он тоже меня узнал по каким-то своим признакам. Я пожал его руку и мы отошли к столику кафе. Здесь, в основном толпились школьники, забежавшие купить сигарет, или еще чего.

— Надеюсь, вы не привели хвоста? — сказал он.

— Нет. Как мне вас называть?

— Называйте меня Игорем Михайловичем. Фамилия моя, вам ничего не скажет.

— Вы что-то хотели мне сообщить?

— Да. Это касается Сергея, — он понизил голос и подозрительно огляделся. — За день до смерти, он пришел ко мне в гости. Мы поболтали, выпили, и он за беседой передал мне эту папку. Он сказал, что мне нужно передать ее вам, если с ним что-то случится. Я пытался расспросить его, но он ничего мне больше не сказал. Так что я выполняю последнюю просьбу друга. Держи, — он протянул мне черную кожаную папку.

— Что здесь? — спросил я.

— Не знаю. У нас не принято смотреть чужие вещи, — он повернул голову на бок и предложил: — Может, по рюмочке, а?

— Я не пью, — ответил я.

— Так это же, за упокой души Сергея Ивановича.

Я подумал.

— Ну давайте.

Он улыбнулся и пошел к стойке.

* * *

Дрожащими от нетерпения руками, я отстегнул молнию папки и выложил на диван два маленьких конверта и один объемистый пакет. На одном из конвертов черным маркером было написано «Наташе», а на другом «Владимиру». Вскрыв конверт со своим именем, я достал листок, исписанный знакомым мелким почерком.

«Здравствуй, дорогой Володя. Я уже мертв, или нахожусь в коме или просто пропал куда-нибудь навеки. Ты не представляешь себе, как мне грустно было писать эти слова, как я надеялся, что это послание никто не прочтет. Однако мои опасения оказались верны, и тебе теперь придется выслушать мою исповедь.

Сразу хочу извиниться, ведь я поступаю жестоко, вовлекая тебя вслед за мной. Если ты не захочешь мне помочь, то пожалуйста сожги всю папку и немедленно уезжай из города.

Если же ты хочешь узнать, все, ты должен прочитать все письмо до конца.

Работа в милиции была моей голубой мечтой с детства. И я был очень рад, когда меня приняли на службу во внутренних органах. Я мечтал повторять подвиги Знатоков, быть честным и храбрым, и слишком поздно понял, что выбрал для этого не то время. Сейчас всё решают деньги, а не находчивость следователя. Работа начала мне надоедать, у меня были проблемы с сердцем. После того дела с Царевым, я стал совсем плох. Навсегда оставшись лейтенантом, я навсегда остался с постоянной и маленькой зарплатой. Это довело жену, которая бросила меня, оставив дочку.

После того, как я перестал бороться за справедливость и сочувствовать людям, жизнь постепенно наладилась.

Но все время так жить я не мог и после того, как убили Вадика Багренова, я решил любыми правдами и неправдами найти убийцу. Благодаря своим связям, я узнал, что Вадим приезжал в Кулинск, чтобы пообщаться с местными следователями, которые вели крупное дело о похищении ценных чертежей из НИИ авиастроения. Дело находилось под грифом «Секретно», но каким то образом попало к журналистам, и вскоре было описано в каждой газете. В преступлении подозревалась местная группировка, однако ходили слухи, что замешаны и влиятельные люди из Сахарова. Поэтому, следователям и требовалась помощь с нашей стороны.

Чертежи истребителей нового поколения стоят огромных денег. Скорее всего укравшие люди (лидер Карпов Андрей по кличке Череп) собирались продавать чертежи Барону. И я знал, как они это сделали.

Варякин Андрей тоже был замешан в группировке Черепа и, когда к нему приехал дядя, наверняка предложил, мол, давайте передадим бумаги через Короткова — он все-таки почетный железнодорожник, его подозревать не будут. Черепу идея понравилась, и он встретился с Коротковым. Тот, конечно, испугался, но перечить не смог. На вокзале в Сахарове, его должны были встретить люди Барона и принять груз. Но они не только его приняли, но и убрали курьера. Причем, как я думаю, они не собирались платить.

Варякин, хоть и был последней сволочью, но все-таки взбунтовался, когда узнал, что его дядю убили. За это его и прикончили. А Вадима они убили, скорее всего, без видимых на то причин, просто так, из страха.

Узнав, что Барон не собирается платить, Череп с несколькими людьми из окружения направился в Сахаров. Здесь он угрожал Барону, посадил за решетку его лучшего человека, и в конце концов убил его, надеясь, что найдет чертежи в его квартире. Они действительно были там, в тайнике. О том, где он и как открывается, Череп не знал. Я решил опередить его, выкрал чертежи, только потом осознав, что подписал тем самым себе смертный приговор.

Теперь о том, что нужно сделать с бумагами. Позвони по телефону указанному ниже, лучше из будки. Скажи, что ты от меня и назначь встречу, но на нее не являйся, проверив не будет ли там засады. Если все будет чисто, назначь вторую встречу и передай бумаги. После этого бери отпуск по уважительной причине или что-то в этом роде и уезжай подальше.

Надеюсь, что ты меня не подведешь. Ты — один из немногих людей, которым я могу доверять. Сам не знаю, почему я так решил. Просто не могу представить, что ты можешь быть предателем.

Позаботься о Наташе, спрячь ее понадежней. Передавай привет всему отделу, скажи Совкову, чтоб он не волновался, а то у него очень слабое сердце.

Ну вот и все. Искренне твой Сергей Митько».

Я перечитал письмо еще раз. Какие бумаги я должен передать? Неужели?... Я молниеносно раскрыл пакет и вынул оттуда кипу бумаг и один лазерный диск компьютера. Значит, это те чертежи, выкранные вместе с оригиналом и компьютерными данными. Я держу в руках вещь, имеющую огромное значение для государства. Если эта информация попадет в руки террористов или просто к враждующей стране, то случится... Что именно случится, я не знал, но вряд ли что-нибудь хорошее.

Раздался стук. Я вздрогнул и направился к двери, достав из кармана пистолет. Это была Ира.

Я убрал оружие и открыл дверь.

— Здравствуйте, дядя Володя, — сказала Ира. — Можно я с Сержантом погуляю?

— Конечно, — я впустил ее и пошел искать щенка.

— А ваш брат вас нашел? — спросила Ира.

— Какой брат? — я остановился на полпути.

— Ко мне вчера подошел дяденька и сказал, что он ищет Владимира Белова, своего брата, который живет в этом подъезде. Я спросила, не тот ли, который работает в милиции; он сказал, что тот. Ну, я и назвала ему ваш адрес. А что?

Я замолчал, потом подошел к Ире и сказал:

— Слушай. Для всех, кого ты встретишь, ты меня не знаешь и только иногда встречаешь

в подъезде. Больше ко мне не приходи, пореже гуляй одна, лучше с собакой. Сержанта я спрячу в надежное место.

Ира ужасно испугалась.

— Почему? — спросила она.

— Я сейчас слишком опасный знакомый. Когда все уляжется я тебе скажу, и ты опять сможешь гулять с щенком. Хорошо?

Дав мне обещание молчать, она убежала домой. Я закрыл дверь, и на душе у меня стало до ужаса противно. Я попытался успокоиться, но не смог. Теперь меня в любой момент могут убить, теперь я могу умереть.

Дверь открыл высокорослый мужик, который тут же спросил:

— Чего надо?

— Мне бы Наташу.

— А ты кто?

— Владимир Белов.

— Дима, это Володя, — послышалось из-за его спины. — Пропусти его.

Дима отошел в сторону и я увидел Наташу. Она уже отошла от смерти отца и даже пыталась улыбаться.

— Я должен передать тебе кое-что, — сказал я.

— Что именно?

— Вот, — я протянул ей письмо.

— От кого оно, — спросила Наташа, рассматривая надпись на конверте.

— От... Сергея Ивановича, — тихо сказал я.

Наташа побледнела и бережно начала вскрывать конверт.

— погоди, Наташа, это не все, — остановил ее я, указывая на большую сумку.

— А это что?

Я достал из сумки Сержанта, который тут же возмущенно залаял.

— Ой, щенок, — всплеснула руками Наташа. — Это твой?

— Да. Пусть он побудет здесь, на время... ремонта.

— Хорошо, только у Димы — кошка.

— Ничего. Он с недавнего времени кошек боится.

Она приняла Сержанта и начала его поглаживать.

— Ладно, — сказал я. — Мне пора.

— Ты не останешься?

— Нет. Я не могу.

Я вышел из квартиры, спустился на улицу и пошел по тротуару домой. Сегодня для меня был выходной, стажировка кончилась, на неделе должна была состояться аттестация.

Но мне было не до отдыха. Я должен был выполнить задание Митько: передать чертежи в надежные руки. Для этого я подошел к ближайшим телефонным будкам.

Среди ряда поломанных аппаратов, я, наконец, нашел исправный телефон, сунул в него карточку и набрал номер, указанный в письме Сергея Ивановича.

— Приемная следователя ФСБ Марина, — прозвучало в трубке.

У меня перехватило дух. Служба безопасности, ни фига себе!

— Передайте господину Марину, что ему звонят по поводу Сергея Митько.

— Как, как?

— Сергея Митько, — повторил я.

В трубке замолчали, затем из нее раздался приятный бас.

— Следователь Марин слушает. Кто говорит?

Я замолчал, потому что вдруг заметил то, что было важнее этого звонка.

— Отвечайте. Не молчите же, — прокричал Марин.

— Извините. Я сейчас не могу говорить, — скороговоркой произнес я. — Потом перезвоню.

Я положил трубку и мгновенно выбежал из будки. Нужно было спешить, потому что я увидел черный джип, и один из «уродов, похожих на Гаврикова» направлялся сейчас ко мне.

Я быстрым шагом шел в неизвестном направлении. Пройдя два квартала, я обернулся.

Витек находился в пятидесяти метрах позади. Мы встретились глазами, и я увидел, как его рука притянулась к оттопыривающемуся карману. Все! Больше прятаться нельзя!

Я побежал.

Бежал не оглядываясь, не зная преследуют ли меня. Через пять минут, я уже значительно отдалился от центра города. Людей становилось все меньше, а я все еще не мог придумать, что делать. Я забежал на мост, проходящий через железнодорожные пути, когда вдруг заметил, что черный джип катит мне на встречу. Я повернулся на сто восемьдесят градусов. Витек приближался с другой стороны. Все! Конец!

Кабан вышел из джипа, и начал медленно приближаться. Стараясь держать их обоих в поле зрения, я медленно отходил назад, пока не уперся в барьер.

Внизу шел длинный грузовой состав, нагруженный углем. Пытаясь напугать Витка с Кабаном, я перемахнул через барьер и притворился, что буду прыгать.

— Ты чо, пацан, — обратился ко мне Витек. — Жить расхотелось? Ты лучше с нами покатайся, мы просто поговорим и всё.

— Как с Митько разговаривали? — спросил я, крепко держась за барьер.

— Нет, — пробурчал Кабан. — Чуть повежливее, — он подошел совсем близко и резко кинулся ко мне.

От испуга, я отступил назад, отпустил руки и полетел вниз. Сердце от страха сжалось в комок. Я невольно закричал, и тут же оказался на угле. Рука сильно ударилась о бортик вагона, но это было не страшно: главное — голова в порядке.

Витек с Кабаном подбежали к барьеру. Я видел, как один из них выхватил пистолет, но тут же его убрал. Через секунду они исчезли из поля зрения, видимо уже садясь в джип.

Медлить было нельзя: я высунулся, увидел вдалеке огромную лужу и прыгнул в нее, когда мы проносились рядом. Падать было очень больно, я перекатился несколько раз и, остановившись, посчитал оставшиеся кости.

Таковых было довольно много, поэтому я встал и снова побежал.

* * *

Грязный, мокрый, с ушибленной рукой, я явился в родное отделение. Мне просто нужно было кому-то рассказать о своих бедах, я не мог дальше действовать один. Поэтому я решил рассказать все Шутову.

Когда я проходил мимо дежурного, тот окликнул меня:

— Эй, ты куда прешь?

Я повернулся к нему лицом и он меня узнал.

— А, Белов. Ты где так измазался?

— Шутов на месте? — спросил я.

— Нет, он в больнице у Совкова.

— А что с ним?

— Инфаркт, — дежурный погрузился. — Не дай Бог, если и он от нас уйдет.

— Да, — пробормотал я и направился к выходу.

— погоди, — крикнул мне дежурный вдогонку. — Что передать Шутову то?

Я задумался.

— Передайте, чтобы позвонил мне, ... когда вернется.

— Хорошо.

Я вышел на улицу, глотнул свежего воздуха и понял, что мне остается идти только домой.

Всего за несколько шагов до двери, я понял, что здесь что-то не так. Прислушался, но все было тихо. Нет. Я лучше пойду посижусь где-нибудь на вокзале, а потом пойду к Шутову.

Я повернулся и пошел на улицу, но путь мне преградил Кабан.

— Давно не виделись, — сказал он и въехал мне по лицу.

Я отлетел на несколько метров, еле удержавшись на ногах. В это время дверь моей квартиры открылась и меня за шкирку схватил Витек, затащил внутрь, и тоже сильно ударил рукой. От этого удара, я повалился на пол коридора. Из носа горячей струей побежала кровь.

— Ведите его сюда, — слышался из комнаты величественный голос.

Меня схватили и поволокли. Когда я поднял голову, то увидел абсолютно лысого человека. У него не было даже бровей и ресниц. Нетрудно было догадаться, что это и есть Череп.

— Общайте его, — приказал он, и Витек с Кабаном принялись шарить по моим карманам. Вынув удостоверение, пистолет, кошелек и шариковую ручку, и положив все это на журнальный столик, они повернули мою голову к Черепу.

— Ну здравствуй, Владимир Белов, — он, как и следует злодею, улыбался. — Долго же мы тебя ловили. Ну, наконец, поймали.

— Чего тебе надо? — внутри не было страха, только пожар ненависти.

— А ты не догадываешься? — его рот снова скривился в улыбке. — Чертежи мне нужны, а тебе нужна жизнь.

— Я не знаю ни о каких чертежах.

— Неправдоподобно врешь.

— Я ничего не знаю, — я тоже попытался улыбнуться, мол, не пробьете.

— Ну, что ж, тогда вечер будет проходить по такому сценарию: сначала мы тебя изобьем до полусмерти, потом начнем бить ее...

Кого ее? Я повернул голову в сторону. Там, на диване лежала Наташа! Они ее взяли!

— Зачем ты ее выкрал? — процедил я сквозь зубы.

— Я ее не выкрадывал. Она сама сюда пришла.

— Я хотела тебя предупредить, Володя. Я видела, что они пошли за тобой.

— Вот видишь, Белов, — усмехнулся Череп. — Не виноватая я! Она сама ко мне пришла.

— Сволочь, — не удержался я и тут же получил удар в скулу.

Неожиданно зазвенел телефон.

Череп видимо собирался проигнорировать это, но я предупредил:

— Я всем рассказал, что буду дома. Так что, лучше ответить.

Череп кивнул; Кабан поднял трубку аппарата и поднес к одному виску, а к другому —

пистолет.

— Алло, — послышалось на той стороне провода. — Это Шутов говорит. Володя, это ты?

— Да.

— Ты просил позвонить. Что случилось?

И тут в потрепанной голове что-то щелкнуло. Я железно сказал:

— Все в порядке.

— А зачем ты тогда просил позвонить?

— Все в порядке. ВСЕ В ПОРЯДКЕ!

— Ладно, не кричи.

— ВСЕ В ПОРЯДКЕ!

— Ты что в опасности?

— Все в порядке.

— Я выезжаю, Володя. Держись.

— Все в порядке. До свидания.

Кабан положил трубку на место.

— Маловато у тебя слов в лексиконе. Только «все в порядке» и знаешь, — сказал Череп.

Я замолчал. Сейчас нужно тянуть время. Раньше чем через десять минут, Шутов не подъедет.

— Это ты убил Митько! — сказал я с ненавистью.

— Не я. Да и приказа я не давал. Просто он оказал сопротивление, и ребятам пришлось его усмирить.

— Что это за чертежи?

— Зачем это тебе? Главное, что они у тебя, и ужасно нам нужны.

— Ты выкрал их из Кулинского НИИ?

— Да, ты очень догадлив. Мы их украли и продали Барону. Потом, он нас обидел, и мы его убили. А теперь хотим получить чертежи обратно, понятно? — он рассказывал по-детски и очень кратко.

Я опустил голову и замолчал.

Продержавшись с полминуты, Череп, наконец, не выдержал и рявкнул:

— Ну что? Будем говорить?

— Я думаю.

— Ребятки, помогите ему.

Кабан с Витьком начали наносить удары, от которых я чуть не потерял сознание. Рука, ушибленная при падении с моста, невыносимо заныла.

Я услышал, как Наташа тихо заплакала.

— Хватит, — приказал Череп и добавил, глядя на меня сверху вниз: — Ну как, надумал?

— Да, — я сплюнул кровью на ковер. — Они не в квартире.

— А где?

— В дупле дуба, который растет во дворе.

— Там же их могут найти, — Череп недоверчиво скривил губы.

— Не могут, — я покачал головой.

Дуб действительно существовал, дупло тоже, однако папки там, конечно, не было. Она находилась в квартире под грудой одежды, в шкафу.

— Олег, иди проверь, — обратился Череп к Кабану. — Если ты врешь!.. — он зло сузил

глаза. — Не будет тебе пощады.

Кабан ушел. Теперь рядом со мной были только Витек с «пушкой».

Сейчас, я молил Бога, чтобы Шутов уже был здесь, и желательно не один. Тогда они должны взять Кабана и заодно начать операцию по моему освобождению.

Ужасная угроза в виде пистолета Макарова продолжала висеть надо мной, заставляя сердце стучать быстрее в сотню раз. Я посмотрел на Наташу: она была смертельно бледна и тихо всхлипывала, глядя в потолок. Она еще не знала, что есть надежда...

Прошло две минуты, а Кабана все еще не было. Череп начал с волнением посматривать в окно, бормоча под нос ругательства.

Я заметил, как он увидел что-то необычное и вдруг произнес:

— Его взяли. Менты! Черт!

— Как взяли? — удивился Витек.

— Ну, сука, ты у меня за это ответишь, — сказал Череп, злобно сверкая глазами. — Надо уходить.

— Кончать этих? — спросил Витек.

— погоди, я сам, — он достал из моего шкафа пистолет. — Убью тебя, падла, твоим же оружием.

Каким оружием? Мой пистолет на журнальном столике!

Пистолет в руке Черепа, злобно глядел на меня своим черным дулом. Я не успел даже шелохнуться, когда он уже нажал на курок.

Из дула с приятным щелчком выхватилось ярко голубое пламя.

Зажигалка! Та которую я нашел в столе своего кабинета!

Череп недоуменно вздрогнул.

Дальше, я действовал молниеносно. Толкнув Витька, я напрямик кинулся к журнальному столику, схватил пистолет и всадил в обидчика две пули.

Кровь бурлила, грудь тяжело, но сильно вздымалась вверх; руки, ноги, челюсть — все тряслось в неистовой дрожи.

Я повернулся к Черепу, тот стоял, глупо разинув рот, совершенно безоружный и беспомощный.

Я поднял руку с пистолетом и прицелился ему в ногу. Но больная рука предательски дрогнулась, палец рефлекторно нажал на курок, а на лбу Черепа появилось ярко-красное пятно.

Он падал, пытаясь схватиться за подоконник, а я продолжал стрелять. На его груди появлялись все новые раны, некоторые пули попадали в стекло окна, разбивая его на тысячи мелких осколков. Но я продолжал стрелять, пока кто-то не схватил меня сзади и не отобрал оружие. Я упал на колени, а неизвестные люди подхватили на меня и силком усадили на диван.

В голове не было ни одной мысли. Рядом суетился Крылов, засовывая мне под нос нашатырный спирт. Я повернул голову, прячась от неприятного запаха.

Волны боли наплывали одна за одной, потом появилась одна, невыносимая боль. Почувствовав тошноту, я мгновенно очутился в темноте...

Титов разбежался и мягко ударил по мячу. «Стенка» подпрыгнула, но мяч пролетел выше и, преодолев еще несколько метров, влетел под перекладину.

Это был четвертый сухой гол в ворота швейцарцев. До конца игры остается совсем чуть-чуть.

Все! Свисток арбитра, и одиннадцать игроков нашей сборной вместе с запасными и тренерами, а также тысячами зрителей победно вскидывают руки.

Мы победили эту игру, остались на первом месте в группе и вышли в финальную часть Чемпионата Мира.

Глядя на радостные лица наших ребят, у меня становилось невероятно легко на душе.

Я выключил телевизор, и, стараясь не задевать Наташу, которая ночевала сегодня у меня, встал с дивана.

Сержант спал на коврикe, свернувшись в клубочек. Спало и солнце, скрывшись на другой стороне Земли, уступив Луне место на ночную смену.

Дело о краже чертежей благополучно завершилось. Кабана посадили, остальных закопали в землю. Меня пару раз приглашали в местное отделение ФСБ, где я рассказывал всё по несколько раз.

Потом была аттестация, меня приняли на работу в 10-е отделение милиции.

Наташа, похоронив отца, завтра уезжала обратно в Москву, скорее всего навсегда.

Безумный сентябрь закончился.

* * *

Человек всегда бывает разным, меняется его характер, настроение, понимание жизни. Так и Луна: может быть полной, то есть великодушной, совсем не заметной — скупой...

Может, она быть и красной, сигнализируя человечеству, то, что если и мир и исчезнет, то только из-за них самих. И если всякое новое поколение будет хуже старого, то, в конце концов, оно уничтожит себя, разрушив напоследок все живое. Поэтому и нужны борцы — люди, противостоящие безумству, смелые, и что главное: честные и справедливые. Таким был Митько, таким же хочу стать и я. Когда такие люди исчезнут, исчезнет и мир.

Прозвенели наручные часы — полночь.

Больше книг на сайте - Knigoed.net